

HSE
BIBLIOTHECA
SELECTA

СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ ВЬЕТНАМА

Составитель Юлия Минина

Перевод с вьетнамского
Юлии Мининой
Екатерины Лютик
Анны Харитоновой

Издательский дом
Высшей школы экономики
Москва, 2021

УДК 821.584.6
ББК 82.3(5)
С42

Серия «HSE Bibliotheca Selecta»
Основана в 2020 г.
Кураторы: Елена Иванова, Александр Павлов

Перевод с вьетнамского Юлии Мининой, Екатерины Лютик, Анны Харитоновой
Научные редакторы перевода: Екатерина Кнорозова, Екатерина Лютик, Анатолий Соколов
Комментарии и приложения Юлии Мининой, Екатерины Лютик, Анны Харитоновой

Рецензенты:
старший преподаватель кафедры китайского, вьетнамского, тайского
и лаосского языков МГИМО Светлана Глазунова;
старший преподаватель Института классического Востока и античности
НИУ ВШЭ Ирина Самарина

С42 Сказки и предания Вьетнама [Текст] / сост. Ю.Д. Минина ; пер. с вьетн. Ю.Д. Мининой,
Е.В. Лютик, А.М. Харитоновой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». —
М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. — 295, [1] с. : 32 с. цв. ил. —
(HSE Bibliotheca Selecta). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-2539-5 (в пер.). —
ISBN 978-5-7598-2299-8 (e-book).

В книгу вошли 25 народных сказок и преданий вьетнамцев (народа кинь) в переводах
российских востоковедов. В прологе рассматриваются история изучения вьетнамских
сказок в России и во Вьетнаме, проблема классификации жанров вьетнамского фольклора,
специфика наиболее широко распространенных и устойчивых сказочных мотивов и сюжетных
схем. Тексты сказок сопровождаются структурным, культурологическим и историческим
анализом сюжетов, мотивов, героев и реалий. Книга богато иллюстрирована лубочными
картинами Донгхо.

Издание адресовано как специалистам по истории, культуре и фольклору Вьетнама,
так и широкому кругу читателей.

УДК 821.584.6
ББК 82.3(5)

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-2539-5

ISBN 978-5-7598-2539-5 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-2299-8 (e-book)

© Составление. Минина Ю.Д., 2021
© Перевод на русский язык. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2021

TRUYỆN CỔ DÂN GIẢN VIỆT NAM

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВСТУПЛЕНИЕ ⁹

Илья Смирнов. О сказках, об этой книге и ее создателях ¹⁰

Екатерина Лютик. Вьетнамский фольклор в русских переводах ¹³

ПРОЛОГ ¹⁹

Юлия Минина. Барабан, черепаха, волшебный бамбук:
мотивы и сюжеты вьетнамских сказок ²⁰

СКАЗКИ ⁴⁵

Как дракон воду пил ⁴⁷

Три лисы-оборотня ⁵³

Волшебный барабан ⁵⁹

Дева-Кузнечик ⁶³

Маленький Черепашка ⁶⁹

Как девица питона в мужья взяла ⁷⁷

Там и Кам ⁸⁹

Куой в лунном дворце ¹⁰¹

Аист, павлин и попугай ¹⁰⁵

Хитроумный заяц ¹⁰⁹

Заяц, курица и тигр ¹¹³

Умная жена ¹¹⁷

Золотая пещера, серебряная пещера ¹²⁵

Злая мачеха ¹³¹

Жена-птица ¹³⁷

Как сирота дело разрешил ¹⁴³

Обманщик Куой ¹⁴⁷

Ту Уйен ¹⁵⁵

Талантливый младший брат ¹⁶¹

Сказка о дровосеке ¹⁶⁹

Как дядюшка Жаб с Небом судился ¹⁷⁵

Бамбук о ста коленцах ¹⁹³

Как Ван на дочке императора женился ¹⁹⁷

Дочь слона ²⁰³

Два дядюшки Куоя ²¹¹

КОММЕНТАРИИ И ПРИЛОЖЕНИЯ ²¹⁵

Анализ сюжетов и мотивов вьетнамских сказок ²¹⁶

Указатель культурных реалий ²⁶⁷

Указатель сказочных персонажей и мотивов ²⁷³

Вспомогательные материалы ²⁸⁵

Библиография ²⁸⁷

Над книгой работали ²⁹⁴

ВСТУПЛЕНИЕ

О СКАЗКАХ, ОБ ЭТОЙ КНИГЕ И ЕЕ СОЗДАТЕЛЯХ

Сказки — необыкновенно увлекательный и продуктивный объект для исследователей. Неслучайно одной из главных книг гуманитарной науки XX столетия стала «Морфология сказки» Владимира Проппа, определившая метод изучения не только собственно сказок, но и множества других словесных текстов. Этот фольклорный жанр в равной мере интересен и специалистам, и широкому читателю. Сказки — занимательное чтение для детей и взрослых, почти беспредельно разнообразное: вот рассказ о чудесах и волшебстве, а вот — о хитроумных проделках дурака, оказывающегося умнее всех умников; нищий бродяга становится богачом и начальником, а злой повелитель теряет силу и власть; животные говорят человеческими голосами, а то и вовсе оборачиваются людьми — прекрасной девой или смелым юношей, — где еще, как не в сказке, можно поведать такое с подкупающей достоверностью, убедительной даже для записных скептиков? А если сказка еще и вводит нас в удивительный мир Востока (в нашем случае — Вьетнама), то оторваться от такого чтения просто невозможно.

Вьетнам поразительно своеобразен, его населяет множество народов и этнических групп, говорящих на разных языках, порою не имеющих даже собственной письменности. Их фольклор весьма архаичен, в нем отчетливо проявляются черты древних мифов. Даже популярные сказочные сюжеты обретают в такой среде совершенно иную, непривычную нам окраску. Для того чтобы записать подобные сказки, ученым приходилось забираться высоко в горы, продираться через джунгли, учить редкостные наречия.

Вся вьетнамская история — это история взаимоотношений с могучим соседом, Китаем. Вьетнамцам удалось сохранить национальную особость, хотя мощное влияние китайской культуры ощутимо во всех сферах жизни — от

высокой словесности, живописи, поведенческих моделей до бытовых привычек, кухни и т.п. Это же касается народного творчества, сказок в том числе.

Создатели предлагаемой вашему вниманию книги постарались представить двуликость сказки одновременно привлекательной как для тех, кто ищет чистой радости чтения, самозабвенно следит за перипетиями сюжета, приключениями героев, так и для ученых, которым важно понимать особенности сказок именно данного региона, знать, где, кем и когда записан тот или иной сказочный вариант, — словом, все то, что составляет предмет фольклористики как науки.

И тех и других объединяет общее наименование — они читатели, а, как известно, *pro captu lectoris habent sua fata libelli* — «судьба книги зависит от читательского восприятия». Всей душой желаю собранию вьетнамских сказок счастливой встречи с читателями, а тем самым — счастливой судьбы нашей книге.

Это издание восполняет досадную лакуну в публикациях сотрудников Института классического Востока и античности (ИКВИА) НИУ ВШЭ, среди которых фольклорные исследования пока сравнительно редки.

Книга подготовлена коллективом прекрасных специалистов по Вьетнаму. Важную роль в ее создании сыграли Ирина Самарина, старший преподаватель ИКВИА НИУ ВШЭ, превосходный знаток вьетнамского языка и вьетнамской культуры, и составитель книги Юлия Минина, ученица Самариной, преподаватель ИКВИА НИУ ВШЭ. Фундаментальность книге придают результаты исследований фольклора Юго-Восточной Азии, представленные молодыми востоковедами — Екатериной Лютик, кандидатом исторических наук, доцентом Института исследований Вьетнама Педагогического университета Гуанси (Гуйлинь, КНР), и Анной Харитоновой, специалистом по культуре и языкам Вьетнама и Камбоджи, преподавателем Восточного факультета СПбГУ.

Неоценимую помощь в подготовке книги оказали заведующая отделом выставок и постоянных экспозиций Музея Востока Альбина Сергеевна Легостаева, тьютор ИКВИА НИУ ВШЭ г-жа Нгуен Тхи Хай Тяу и кандидат филологических наук, заместитель директора Института литературы Академии общественных наук Вьетнама г-н Ву Тхань.

Искренняя благодарность Наталье Краевской за предоставленные файлы лубочных картин Донгхо, использованных в книге в качестве иллюстраций.

Илья Смирнов

ВЬЕТНАМСКИЙ ФОЛЬКЛОР В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Первым сборником вьетнамских сказок, изданным в СССР, стали «Сказки Вьетнама» [17], выпущенные издательством «Детская литература» в 1956 г. Это был авторизованный перевод с польского, а не с вьетнамского языка. Сказки Вьетнама собрал польский писатель и журналист Войцех Жукровский¹ в период своей командировки во Вьетнам в 1953 г.

Во время Первой Индокитайской войны (1946–1954) В. Жукровский находился на фронте в провинциях Лайтяу, Дьенбьенфу и Шонла [17, 4]. Тогда он увлекся фольклором региона и записал сказки и предания вьетнамского народа. Позднее В. Жукровский выпустил в Польше сборник народных вьетнамских повествований. Затем эта книга была переведена на русский язык и издана в СССР. В сборник вошло девять сказок: «Отчизна», «Каменный пес», «Сын земли», «Наказанный ростовщик», «Небесная лягушка», «Легенда о бетеле», «Волшебная тыква», «Пещера» и «Незримый предатель». Несмотря на то что это был перевод с польского языка, а сами сказки сопровождались лишь короткими страноведческими комментариями, данное издание представляет большой интерес.

В 1957 г. издательство «Детская литература» выпустило первый перевод с французского вьетнамской сказки «Гора смешливая справедливая» в обработке Ф.Л. Мендельсона² [234]. В 1958 г. по мотивам этой сказки был

¹ Жукровский Войцех (1916–2000) — польский писатель и журналист. Работал корреспондентом во Вьетнаме, Лаосе и Китае, был сотрудником посольства Польши в Индии. Автор сборника «Сказки Вьетнама» и романов «Крещенные огнем», «Запах собачьей шерсти», «Каменные плиты», «Похищение в Тютюрлистане».

² Мендельсон Феликс Львович (1926–2002) — советский переводчик с французского языка. Известен как основной и единственный соавтор И.Г. Эренбурга в первом советском издании Франсуа Вийона (1963), позднее переводил и других французских поэтов [243].

создан диафильм. Тираж и востребованность этих книг указывают на интерес и теплое отношение советского читателя к вьетнамскому фольклору.

Вслед за диафильмом в серии «Школьная библиотека для нерусских школ» вышел сборник сказок зарубежных стран «Волшебная кисть» [3] с рисунками художника Г. Филипповского. В него вошли и вьетнамские сказки: «Заяц и слон», «Заяц получает имя», «Заяц Софэа и судья» в переводе и обработке Ф. Мендельсона, «Мотылек» в записи В. Жукровского. Почти одновременно с этой книгой «Издательство иностранной литературы» выпустило сборник «Вьетнамские легенды» [52] в переводе с французского И. Бажановой.

В том же году увидело свет первое научное издание переводов³ вьетнамских народных повествований «Сказки и легенды Вьетнама» [34]. Кропотливую работу по переводу и страноведческим комментариям выполнили В.В. Карпов⁴ и М.Н. Ткачев⁵. В книге представлено 39 сказок и 32 легенды Вьетнама. Данная работа не содержала анализа сказочных сюжетов, мотивов и героев вьетнамского фольклора.

В 1963 г. издательство «Молодая гвардия» выпустило сборник вьетнамского писателя То Хоая «Три сказки» [49] в переводе М.Н. Ткачева с иллюстрациями художника А. Урьева. Вниманию читателя представлены три аллегорические вьетнамские сказки: «Мышиная свадьба», «Рыцарь богомол» и «Верные друзья». Важно отметить стиль изложения и удивительные по своему замыслу иллюстрации художника.

В 1965 г. вышел перевод авторских сказок То Хоая, Нгуен Динь Тхи и Ву Ту Нама «Книга о великих подвигах и необычайных приключениях славного кузнечика Мена, а также Рыцаря черной мантии, который был ни уткой, ни гусем» [50] в переводе М.Н. Ткачева. Увлекательная сказка

о приключениях храброго кузнечика Мена снабжена иллюстрациями художника В. Сурикова.

Следующей значительной для фольклористики работой, опубликованной в 1970 г., стали «Сказки народов Вьетнама» [41]. Переводы выполнены представителями первого поколения вьетнамоведов — Н.И. Никулиным⁶, И.С. Быстровым⁷ и И.И. Глебовой⁸. В работе представлены переводы сказок: вьетов — 37, мыонгов — 4, тямов — 5, народов седанг — 17, бахнар — 7, джарай — 5, стиенг — 2, срэ (кэхо) — 2, мнонг — 1, ронгао (ренгао) — 1, ма — 1, хмонг — 12, сафанг (китайская этническая группа) — 2, таи (тай) — 1 и тхай — 4. В общей сложности читателю представлена 101 сказка народов Вьетнама. Книгу предваряет вводная статья Н.И. Никулина, посвященная анализу вьетнамского фольклора, к сказкам даны небольшие комментарии с анализом сюжетов и пояснениями культурных реалий страны. Необходимо отметить, что это первая и последняя на сегодняшний день попытка в отечественном вьетнамоведении комплексного анализа вьетнамских сказочных сюжетов. К сравнительному анализу на материале вьетнамских сказок обращался в своих трудах известный российский китаевед Б.Л. Рифтин [150; 13; 152; 151], однако глубокого и широкомасштабного анализа вьетнамских сказок в отечественном востоковедении еще не проводилось.

В 1974 г. вышел сборник «Высокоученый Куинь и другие забавные истории» [8], подготовленный Н.И. Никулиным и включивший народные вьетнамские анекдоты о жизни и остроумных проделках популярного героя-трикстера. Кроме циклов историй о главном герое, почтенном Сиене, Старом Птицелове, в книгу вошли истории, не объединенные общим фольклорным персонажем. Эти истории высмеивают самодурство и глупость чиновников, правителей, нерадивых учителей и школяров, неумелых лекарей, а также монахов и прорицателей. Здесь же можно встретить анекдоты о хвастунах, лентяях, мужьях и женах [93, 175–177].

³ Кроме советских и российских востоковедов изучением и переводом на русский язык вьетнамского фольклора занимались вьетнамские аспиранты и докторанты. Это — До Нам Льен (Вьетнамские сказки о животных в историко-типологическом освещении: на основе опыта советского сказковедения: дис. ... канд. филол. наук. М., 1985); Буй Куанг Тхань (Методологический опыт советских фольклористов и его значение для исследований вьетнамских легенд и преданий: дис. ... канд. филол. наук. М., 1991); Буй Мань Нь (История изучения поэтики необрядовой лирики в русской и вьетнамской фольклористике: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992); Нгуен Кхак Куанг (Нравственный выбор во вьетнамской мифологии: дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2009) и др.

⁴ Карпов В.В. — вьетнамовед, литературовед. В 1957–1958 гг. преподавал вьетнамскую литературу в ИВЯ при МГУ. Выполнял первый перевод на русский язык классической поэмы Нгуен Зу «Кьеу. Стенания истерзанной души» с французского языка, дальнейшая судьба перевода неизвестна. Работал в редакции вещания на Вьетнам Гостелерадио СССР [Интервью с Е.В. Кобелевым (РФ, Москва), 22.03.2021].

⁵ Ткачев Мариан Николаевич (1933–2006) — вьетнамовед, переводчик с вьетнамского языка, писатель. Окончил Восточное отделение исторического факультета МГУ в 1955 г. Преподавал в ИВЯ при МГУ, работал консультантом по вьетнамской литературе в Иностранной комиссии Союза писателей СССР, был сотрудником журнала «Иностранная литература». Перевел произведения средневековых писателей Вьетнама, новеллы и стихи, опубликованные в томах серии «Библиотека всемирной литературы», романы и повести современных вьетнамских авторов Нгуен Туана, То Хоая, Нгуен Динь Тхи и др. Собрал коллекцию вьетнамской храмовой игрушки [237].

⁶ Никулин Николай Иванович (1931–2005) — вьетнамовед, литературовед, переводчик с вьетнамского языка, доктор филологических наук, профессор. Стажер в советском посольстве в ДРВ (1954–1956). В последующие годы преподавал в ИВЯ/ИСАА при МГУ (1964–1983), научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1960–1964), заведующий Отделом литератур Азии и Африки ИМЛИ (с 1975 г.). Автор единственного на русском языке обобщающего исследования, посвященного вьетнамской литературе (Вьетнамская литература X–XIX вв. М., 1971). Общее число научных работ — свыше 200, более 20 статей посвящено вьетнамскому фольклору [219, т. 1, 211].

⁷ Быстров Игорь Сергеевич (1925–2004) — вьетнамовед, лингвист, переводчик с вьетнамского языка. В 1955 г. окончил Восточный факультет ЛГУ. Кандидат филологических наук, доцент, профессор. Преподаватель Восточного факультета ЛГУ. Издано свыше 40 его научных работ. Участник Великой Отечественной войны и войны с Японией (1941–1945).

⁸ Глебова Ивета Ивановна (1929–2016) — вьетнамовед, переводчик с вьетнамского языка. В 1952 г. окончила МИВ. Кандидат филологических наук, доцент. Научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1979–1981). Преподаватель МГИМО МИД СССР (1955–1985). Автор ряда научных работ и учебников по вьетнамскому языку. Переводила произведения вьетнамских писателей — Нгуен Ван Бонга, Буй Хьена, Ву Тхи Тхьонг и др.

В 1976 г. увидел свет сборник сказок «Волшебный козел: вьетнамские народные сказки» в переводе Н.И. Никулина [5]. В книгу вошли народные повествования из сборника «Сказки народов Вьетнама» (1970 г.). В издании появились и новые переводы, например, «Как глупец очки покупал» — сказка вьетов, «Угорь и рыба Тяй» — мьонгов, «Как черепаха с тигром наперегонки бежала» — бахнаров, «Три брата» — народа джарай, «Супруга-птица» — народа хмонг, а также сказки ванкьеу. В общей сложности в книге представлено 83 сказки.

Интерес советского читателя к необычным сюжетам вьетнамских сказок рос от книги к книге. В 1983 г. Всесоюзная студия грамзаписи «Мелодия» в серии «Сказки народов мира» выпустила грампластинку с записью вьетнамской сказки «Дерево Кхе». Озвучивали сказку известные актеры Ирина Муравьева и Олег Анофриев.

В 1987 г. издательство «Детская литература» выпустила сборник вьетнамских сказок «Чудесная жемчужина» [53] с иллюстрациями М. Антимоновой, в который вошли такие произведения, как «Ворон на дереве», «Бамбук о ста коленцах», «Чудесная жемчужина», «Хитрец Куой», «Небывалая змея» в переводе Н.И. Никулина, «Юноша Тыква» — И.И. Глебовой, «Дуракам — счастье» — И.С. Быстрова.

В 1988 г. вышел сборник «Чудесное зеркало» [54], в который вошли две малайские повести, бирманское повествование и памятник средневековой прозы «Рассказы об удивительном» Нгуен Зы (конец XV — XVI вв.) в переводе М.Н. Ткачева.

Через два года был опубликован сборник под редакцией Н.И. Никулина — «Чудесный посох» [55]. Его отличие от предыдущих заключается в системе рубрикации, касающейся жанровых особенностей повествований. В книге представлено 90 сказок.

В 1992 г. в свет вышел последний на данный момент сборник народных вьетнамских повествований — «Девушка-орхидея» [10], в который вошло 50 сказок. К уже знакомым российскому читателю произведениям — «Бамбук о ста коленцах», «Чудесный посох», «Тигр и моллюск» — добавлены новые: «Ты Тхык в царстве феи», «Необычайные приключения философа-мясника» и др. Кроме вышеуказанных изданий, ряд сборников мирового фольклора содержат раздел «Вьетнамские сказки» [39; 36; 44; 7; 31].

В 2000 г. вышел труд отечественного вьетноведа Е.Ю. Кнорозовой⁹ «Мифы и предания Вьетнама» [24] в переводе с вьетнамского языка и ханвана. В рамках данного издания впервые в российском востоковедении были систематизированы мифы, предания и другой фольклорный материал Вьетнама. Главным образом в книге содержатся переводы средневековых сочинений; помимо них приводятся вьетнамские мифы и предания в переводах

⁹ Кнорозова Екатерина Юрьевна (р. 1960) — вьетноведа, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии Восточного факультета СПбГУ, научный сотрудник БАН. В 1982 г. окончила Восточный факультет ЛГУ по специальности «востоковед-филолог (вьетнамская филология)». С 1982 по 1987 г. обучалась в аспирантуре ЛО Института востоковедения АН СССР. Автор первой обобщающей работы по традиционному религиозно-мифологическому воззрению вьетнамцев.

и переложениях современных вьетнамских авторов. В первый раздел книги («Мифы») вошли мифы о сотворении мира и о божествах, управляющих природой. Во втором разделе («От мифа к преданию») представлены истории о легендарных правителях, которые зачастую наделены функциями мифических персонажей. Третий раздел («Предания») посвящен описаниям удивительных событий, участниками которых нередко становятся известные исторические личности. Переводы сопровождаются предисловием и обширным филологическим комментарием.

Из всего вышесказанного можно заключить, что изучение вьетнамского фольклора в России непрерывно велось несколькими поколениями советских и российских вьетнамоведов. Между тем предстоит еще большая работа по переводу вьетнамских сказок и ознакомлению с ними российского читателя. Представленная вниманию читателя книга, мы надеемся, внесет свой вклад в продолжение этого непростого, но увлекательного дела.

Екатерина Лютик

ПРОЛОГ

БАРАБАН, ЧЕРЕПАХА, ВОЛШЕБНЫЙ БАМБУК: МОТИВЫ И СЮЖЕТЫ ВЬЕТНАМСКИХ СКАЗОК

Вьетнам нередко — и совершенно справедливо — называют перекрестком культур и народов. На территории этой тропической страны помимо этнических вьетнамцев (самоназвания *кинь*, *вьеты*), представляющих собой титульную нацию, проживает множество миноритарных народов, говорящих более чем на сотне языков¹. Вьетнамская словесность испытала мощное влияние Китая, но в то же время важную роль в ее развитии сыграли глубинные связи с народами Юго-Восточной Азии — например, бахнарами, седангами и особенно тьямами, через контакты с которыми вьетнамская культура обогатилась элементами индийской традиции.

На протяжении всей своей истории вьетнамская литература была тесно связана с мифом и фольклорной культурой. На начальном этапе становления письменности народная традиция и книжная словесность сосуществовали почти наравне — даже в элитарной среде [128, 3]. Много позднее, примерно в XVII–XVIII столетиях, пережив тысячелетнее господство Китая, главенство буддийской, а затем и конфуцианской доктрины в рамках высокой письменной культуры, народные сюжеты и герои вновь вернулись в пространство вьетнамской поэзии и прозы. Фольклорная традиция вьетов не погибла, не растворилась в многообразии иноземных заимствований, сохранив свою собственную специфику.

Самые ранние из дошедших до нас записей вьетнамского повествовательного фольклора были сделаны в первые века нашей эры, в начале периода

¹ Постановлением Центрального статистического управления СРВ от 2 марта 1979 г. № 421 был утвержден официальный перечень народов Вьетнама (54 народа). На практике вопрос о точном числе народов, населяющих страну, и целесообразности разделения или объединения некоторых этнических групп в контексте лингвистических, исторических и культурологических исследований остается открытым.

так называемой Северной зависимости Древнего Вьетнама от китайских династий (II в. до н.э. — X в.). Некоторые мифологические сюжеты, легенды и предания вошли в основные средневековые вьетнамские хроники — «Краткую историю Вьета» [111] и «Полное собрание исторических записок Дайвьета» [142], созданное по подобию труда сунского историка Сыма Гуана «Всеобщее зеркало, управлению помогающее». В XIV–XV столетиях появились два сборника вьетнамских повествований, в основе которых лежали древние мифы, легенды и сказки вьетов, — «Собрание чудес и тайнств земли Вьет» [204] XIV в. и «Дивные повествования земли Линьнам» [212] XV в., интерес к которым у вьетнамских исследователей и рядовых читателей не ослабевает до сих пор, о чем свидетельствуют комментированные переиздания (см., например, [210]).

В XVI столетии, которое вошло в историю Вьетнама как один из самых тяжелых периодов для страны и ее народа, уставшего от кровопролитных междоусобиц и вражеских вторжений, талантливый писатель Нгуен Зы сочинил свои знаменитые «Пространные записи рассказов об удивительном» [205] — сборник рассказов о необычайном, наполненный неподдельным интересом отнюдь не к описанию доблестных битв, а к простым человеческим чаяниям и надеждам, пусть и в обрамлении фантастических событий. Наряду с авторскими новеллами сборник включал обработанные Нгуен Зы сказочные сюжеты.

В конце XVII — XVIII вв. неизвестный поэт создал масштабную историко-эпическую поэму «Книга Небесного Юга» [209] — национальную эпопею о подвигах исторических и легендарных героев, в которой переплелось множество фольклорных мотивов. Примерно в это время сказочные сюжеты начинают активно использоваться поэтами, пишущими на *твь-номе* (национальная вьетнамская письменность, сформировавшаяся на основе китайской иероглифики).

Во второй половине XIX — начале XX в. вьетнамские исследователи предпринимают первые попытки сбора и последовательного, методологически обоснованного изучения фольклора. Известный ученый Чыонг Винь Ки, получивший европейское образование, опубликовал в 1866 г. сборник сказок «Повествования давних времен» [211]. Обширный сказочный материал представил в своей книге «Сказки страны Юга» [207] фольклорист Нгуен Ван Нгок. Наиболее полным и широкомасштабным исследованием народных повествований XX в. стал многотомный труд выдающегося ученого-фольклориста Нгуен Донг Ти «Сокровищница вьетнамских сказок» [66].

Первое издание неадаптированных переводов вьетнамских народных повествований на русский язык было опубликовано в 1958 г. В сборник под названием «Сказки и легенды Вьетнама» [34] вошло 39 сказок и 32 легенды в переводах литературоведов и знатоков вьетнамской культуры В.В. Карпова и М.Н. Ткачева; тексты были снабжены краткими страноведческими комментариями. В 1963 г. Институт литературы в ДРВ

начал выпускать серию фольклорных сборников, в рамках которой публиковались сказки национальных меньшинств Вьетнама [71], а в 1970 г., отчасти опираясь на эти материалы, советские востоковеды подготовили объемный труд «Сказки народов Вьетнама» [41], где были представлены переводы повествований вьетов, мяонгов, тямов, седангов, бахнаров и т.д. С момента выхода этого сборника, над которым работали выдающиеся вьетнамоведы Н.И. Никулин, И.С. Быстров и И.И. Глебова, в отечественном востоковедении более не предпринималось попыток анализа вьетнамских сказочных сюжетов, хотя собственно переводы фольклора и их переиздания выходили регулярно [8; 5; 53; 54; 55] вплоть до начала 1990-х годов [10]. Отметим и то, что этот труд во многом заложил основу межрегиональных фольклорных исследований, важность которых трудно переоценить².

Очертания Вьетнама на карте часто сравнивают с коромыслом, на котором подвешены две тяжелые корзины с рисом. «Корзины» — это две главные житницы страны, обширные дельты Красной реки и Меконга. Но какой родная земля представлялась предкам современных вьетнамцев — лаквьетам, чей ареал расселения был намного меньше и чье самостоятельное видение мира заложило основы одной из самых мощных и богатых фольклорных традиций региона? Дела земные и дела загробные, праздники, военные походы и повседневный труд, людей и животных лаквьеты с большой искусностью изображали на бронзовых барабанах (археологическая культура Донгшон, VI в. до н.э. — II/I в. до н.э.). В древности эти барабаны обслуживали культурную жизнь народа. С особым вниманием лаквьеты относились к детальной передаче подробностей похоронного обряда — этого требовала специфика духовной культуры донгшонцев, в основе которой лежал культ предков, а почитание духов усопших родичей, как известно, всегда предполагает внимательное и бережное обращение с останками покойного. Изображения на барабанах, таким образом, несли функцию текста [92, 31]. Этиологические вьетнамские повествования донесли до нас отголоски этих древних верований. Одно из них вошло в классический корпус фольклорных текстов под названием «Волшебный барабан» [68, 159–161].

Сказка повествует о том, как трое братьев нашли в лесу барабан, одна сторона которого была синяя, а другая — красная. Барабан этот принадлежал духу баньянового дерева и обладал волшебной силой: если ударить по синей стороне, то умирал человек, а от удара по красной к жизни возвращался покойник. Старшие братья испугались духа и его диковинного барабана, но младший не устрасился и попросил у божества чудесный инструмент, чтобы добыть себе жену. Той же ночью братья набрали на пещеру, где тигр держал в плену трех девиц. И тут не струсил младший юноша — трижды перехитрил хозяина леса, а затем и вовсе убил его, ударив по волшебному инструменту. Братья вернулись в родную деревню и привели с собой девушек-красавиц.

² Подробнее см. статью «Вьетнамский фольклор в русских переводах» в данной книге.

Вскоре каждый женился на одной из них, и зажили они в мире и согласии. А когда случалась в деревне смерть, они приносили в дом покойника красный барабан и возвращали мертвеца к жизни на радость его родным. Однажды дух узнал, что младший брат женился, и потребовал барабан назад. С тех пор юноши уже не могли оживлять людей, однако в память об этой истории каждый раз, когда вьетнамцы устраивают похороны или совершают подношения, они бьют в гонги и барабаны.

По мнению современных исследователей, древние бронзовые барабаны Донгшона использовались как музыкальные инструменты во время празднеств и церемоний, а также молений о ниспослании дождя и урожая [160, 68]. Искусство обращения с ними в пространстве ритуала давно утеряно, однако барабаны и гонги продолжают оставаться одним из важнейших элементов вьетнамских обрядов и праздников. Во время религиозных фестивалей, а также выступлений ансамблей национальной музыки и танца используют двухмембранные барабаны в форме бочонка, которые подвешивают на шею с помощью лент. Такие инструменты называют рисовыми барабанами — *чонг ком* (вьетн. trống cơm) [203, 269]. Они по своей конструкции идентичны китайским барабанам *яогу* (кит. 腰鼓). Наряду с *чонг ком* широко распространены двухмембранные барабаны с коротким корпусом, сработанные из древесины хлебного дерева и шкуры буйвола, — *чонг бан* (вьетн. trống bần). Согласно современным представлениям вьетнамцев, в упомянутой сказке речь идет как раз о таком (или сходном по конструкции) барабане.

Игра на гонгах и барабанах по сей день остается важнейшим элементом похоронных обрядов вьетнамцев. В барабан бьют всякий раз, когда в дом покойного входит новый человек, чтобы все члены общины знали, как много людей скорбит по умершему [208, 306]. Барабанный бой сопровождает и саму похоронную процессию. У вьетского народа тхо существует обычай приглашать в дом, где случилась смерть, шамана с барабаном и флейтой. Шаман подает сигнал усопшему, что он мертв, после чего тело кладут в гроб и начинают бить в барабан и играть на флейте, созывая других членов общины — точно так же, как это заведено у вьетнамцев [109, 59].

Примечательна цветовая символика барабана, упоминаемого в приведенной сказке, а именно оппозиция красного и синего цвета. Подобно ханьцам, красный цвет вьетнамцы трактуют как цвет радости, лета, торжества жизни, женского начала, свадебных обрядов. Собственно синий цвет, напротив, мало репрезентативен и напрямую не связывается со смертью [108, 367]. Насыщенный синий цвет воспринимается вьетнамцами как неотъемлемая часть сине-зеленой цветовой гаммы, в рамках которой о конкретном оттенке можно судить лишь при наличии контекста и соответствующих уточнений. По-видимому, такой необычный для вьетнамской культуры цветовой дуализм отражает аспект древних шаманских верований, касающийся представлений о мире живых и загробном мире, что свойственно некоторым народам Сибири [221]. Так, лишь один из множества элементов сказки перекидывает мост из одной точки зафиксированного

исследователями фольклорного повествования не только в глубь веков, но и к далеким культурам и народам.

Как и в случае со многими другими народными сказками Вьетнама, структура «Волшебного барабана» весьма своеобразна и представляет собой переплетение целого ряда типов, описанных в указателе сказочных сюжетов по системе Аарне — Томпсона: AaTh 1640 «Храбрый портняжка», AaTh 563 I «Волшебные дары», а также включает эпизоды, сходные с таковыми из блока «Состязание человека и людоеда» (AaTh 1060–1114).

Вопрос соответствия вьетнамского фольклорного материала сказочному каталогу Аарне — Томпсона и целесообразность его применения в контексте вьетнамоведческих исследований поднимался специалистами не раз. Российский и советский лингвист В.М. Жирмунский отмечал, что, хотя экспансия индийских сказочных сюжетов, описанных в каталоге Аарне, и останавливается в районе индонезийского острова Сулавеси, вьетнамский сказочный материал, как правило, соответствует приведенным в каталоге схемам [99, 289]. Крупнейший отечественный исследователь вьетнамской литературы и фольклора Н.И. Никулин подтверждал этот вывод — в первую очередь в отношении волшебных сказок, объясняя имеющиеся отклонения окраинным положением Вьетнама и тем, что его фольклорная традиция восприняла сказочные элементы очень многих народов [41, 16]. На наш взгляд, именно анализ таких «отклонений» в соединении с поиском того общего, что помогает выявить древние межрегиональные связи, и является одной из важнейших задач в контексте исследований вьетнамского фольклора, решение которой много прибавит к пониманию культуры его создателей.

Вьетнамские народные повествования обнаруживают сходство с фольклором соседних народов — ханьцев, кхмеров, седангов, тямов, и далеко не всегда общность сказочных мотивов и сюжетов можно объяснить заимствованиями. Нередко очевидное сходство мифологии и фольклора говорит о более древних связях народов Юго-Восточной Азии. Примером тому может послужить сюжет о сыне бездетных родителей, который появляется на свет в теле низкого, презираемого существа — почти всегда водной рептилии или земноводного. Чудесный ребенок умеет говорить человеческим языком и выполнять тяжелую работу. Он выдерживает ряд испытаний и женится на дочери государя, местного помещика или богача. По ночам или при особых обстоятельствах звериный персонаж сбрасывает шкуру (панцирь, кожу) и предстает перед женой в облике прекрасного юноши. Затем жена или другая женщина портит его звериную «одежду», после чего он либо остается человеком, либо исчезает. В настоящей книге данный сюжет представлен повествованием под названием «Маленький Черепашка»; известна также и другая вьетнамская сказка, где волшебное дитя рождается в облике черепахи, — «Волшебная черепаха» [40, 81–86].

Черепашка во Вьетнаме наряду с драконом, единорогом (цилинем) и фениксом входит в четверку священных животных (*вьетн.* tứ linh). Золотая черепаха (*вьетн.* Kim Quy) связана с идеей государственности и независимости

вьетнамцев, борьбой против северных захватчиков — ханьцев. В известнейших вьетнамских легендах она выступает в роли волшебного помощника полуполюбопытного вождя аувьетов Ан Зыонг-вьонга, который вступил в борьбу с китайским полководцем Чьеу Да (*кит.* 赵佗, Чжао То). Вначале черепаха помогает правителю Аулака построить крепость Колоа, которую каждую ночь разрушают демоны, а затем дает ему свой коготь, чтобы из него изготовили спусковой крючок для чудесного арбалета, одной стрелой разящего множество врагов [24, 15]. В средневековой легенде об императоре Дайвьета Ле Лое (1384(?)–1433) Золотая черепаха из озера Хоанкьем вручает молодому предводителю вьетов волшебный меч, с помощью которого ему удастся победить китайских захватчиков и освободить страну [24, 135–138]. Представители единственного в Азии вида гигантских пресноводных черепах *Rafetus swinhoei* действительно обитали в ханойском озере до недавних пор. Последняя из них погибла в 2016 г. от старости и из-за неблагоприятной экологической обстановки [227]. По наблюдениям автора, некоторые жители столицы связывали эту черепаху с хранилищем волшебного меча и предвещали стране всевозможные бедствия в связи с ее смертью.

Черепашка во Вьетнаме считается символом долголетия и мудрости. На спинах каменных черепах установлены стелы с именами лауреатов государственных экзаменов в Храме литературы (*вьетн.* Văn Miếu) в Ханое. Черепаха изображалась на вьетнамских императорских халатах. Однако в сказке «Маленький Черепашка», как и в других подобных повествованиях, образ священного животного уступает совершенно иному, гораздо более приземленному восприятию вьетнамского крестьянина, который привык видеть этих медлительных, неповоротливых существ в изобилии у каждого деревенского водоема.

Важно то, что вначале герой повествования почти ни у кого не вызывает симпатии и сочувствия, поскольку появляется в крайне неприглядном облике. Этот мотив незавидного жениха сближает сказки данного типа с широко распространенным в Юго-Восточной Азии циклом сюжетов о ребенке-колобке без рук и ног, который впоследствии успешно выдерживает трудные испытания, превращается в красавца и женится на дочери местного правителя. Странного вида существо, похожее на кокосовый орех, камень, череп, тыкву, мешок и т.п., упоминается в сказках и преданиях тямов («Царский зять Кокосовый орех» [41, 138–155]), вьетов («Человек, круглый, как кокосовый орех» [34, 112–125]), стиенгов («Юноша Котелок» [41, 260–262]), седангов («Юноша Тыква» [41, 201–205]), тхаев («Парень-мешок» [41, 343–346]) и многих других народов Индокитая. Что особенно любопытно, почти всегда эти герои оказываются тесно связаны со стихией воды и идеей плодородия. Так, например, во вьетнамской сказке «Человек, круглый, как кокосовый орех» реализуется мотив чудесного зачатия от воды, выпитой из черепа, найденного в лесу, что явно указывает на происхождение этого повествования от мифа о тотемном предке. В тямском повествовании мать Кокоса зачинает свое дитя, искупавшись в волшебном озере. Примечательно и то,

что круглый предмет в сказках данного цикла варьируется с пресмыкающимися (змеем, вараном и т.п.). Есть основания полагать, что оба упомянутых нами сказочных цикла восходят к общей идее о душе умершего предка или предводителя, который перерождается в виде низкого существа, ассоциируемого с водой [141, 151].

Благоговение перед водной стихией и ее покровителем водным драконом — ключевой мотив множества вьетнамских сказок, что легко объяснимо, ведь от цикла разлива рек зависят все жизненные процессы рисоводческой цивилизации вьетнамцев. Известно, что культ дракона-крокодила существовал уже у самой ранней из известных групп населения прото-Юго-Восточной Азии, занимавшейся поливным рисоводством и включавшей, по-видимому, северные прототайские народы, австроазиатов и, скорее всего, часть австронезийцев [92, 23]. Без обильных дождей в сезон муссонов невозможно вырастить урожай, однако наводнения приносят смерть и разрушения; море дает пищу жителям побережья, но жестокие шторма губят рыбаков и уничтожают целые деревни. Об этой «борьбе противоположностей» и необходимом для жизни людей балансе повествуется во вьетнамском мифе о состязании божества гор Шон Тиня с покровителем водной стихии Тхюи Тинем [24, 105–106]. С драконом — царем подводного мира связаны сказки «Дева-Кузнечик» и «Талантливый младший брат», вошедшие в данную книгу.

Особое место во вьетнамском фольклоре занимает образ жабы (лягушки) — вызывательницы дождя, культ которой известен на юге Китая и в северных регионах Вьетнама со времен Донгшонской культуры. Миниатюрные фигурки лягушек помещались в центре дисков бронзовых барабанов, использовавшихся в аграрно-магических обрядах. Вьеты и чжуаны, населявшие юг Китая, верили [214, 201], что лягушка — это дочь Лэй-шэня, духа грома, существа с человеческой головой и телом дракона [183, 44]. Лягушка осуществляет связь между земным миром и небесными богами, своевременно сообщая им о нуждах животных и людей. Данные мотивы прослеживаются в сказке «Как дядюшка Жаб с Небом судился» из настоящей книги. Это повествование, одно из самых старинных и популярных во Вьетнаме, рассказывает о том, как жаба дошла с просьбой о ниспослании дождя до самого Неба и спасла все живое от засухи. Кроме того, Небесный Владыка наделяет жабу особой привилегией — способностью своим кваканьем напоминать ему о том, что земле необходима влага [206, 107–111]. Российский этнограф Я.В. Чеснов приводит сведения о том, что представления о жабе (лягушке) как о животном, своим криком вызывающем дождь, существуют также у ва — группы народов, которые считаются одними из древнейших обитателей Индокитая, — и бахнаров [178, 255]. Схожие верования есть и у кхмеров: жрецы Камбоджи, изображая лягушек, просили таким образом о дожде [178, 256]. Ареал распространения культа жабы/лягушки, связанного с идеей плодородия и водной стихией, очерчивает на карте Дальнего Востока границы, едва

ли совпадающие с теми, о которых условились современные государства региона. Цивилизация поливного рисоводства, созданная народами — преемниками донгшонцев, противопоставляется просоводческой культуре Северного и Центрального Китая.

Необходимо подчеркнуть, что в пространстве традиционных вьетнамских представлений образ жабы почти всегда трактуется как положительный. Жаба наделяется множеством добродетелей — мудростью, смелостью, рассудительностью. По этой причине изображения такого неказистого на вид животного можно встретить на вьетнамских лубочных картинках из деревни Донгхо (вьетн. Đông Hồ), которыми украшают дома в преддверии Нового года по лунно-солнечному календарю. Например, очень популярен сюжет под названием «Учитель-жаба» [201, 62], который, как считается, приносит удачу в деле постижения наук. Вьетнамскому фольклору чужда китайская концепция жабы-ядоноса, опасного животного, которое может принести смерть. В Китае это представление связано с тем, что во время брачного периода некоторые виды обитающих на его территории жаб становятся ядовитыми.

Сказки, главными героями которых являются животные и птицы, как видится, во Вьетнаме распространены больше, нежели в Китае. Выдающийся отечественный синолог-фольклорист Б.Л. Рифтин связывал малочисленность ханьских сказок о животных с чрезвычайно ранним переходом китайцев к земледелию, забвением охотничьего промысла и скудностью фауны Китая [19, 7]. У киней, а также малых народов Вьетнама — в особенности это касается горных этносов, по сей день проживающих в отдаленных районах в окружении неосвоенных лесов, — такие повествования, напротив, очень популярны. Один из излюбленных персонажей сказок о животных Вьетнама — хитроумный заяц (одноименная сказка представлена в нашей книге). Сказки о проделках этого ловкого, никогда не унывающего героя распространены у вьетов, кхмеров Южного Вьетнама и Камбоджи, малайцев, бирманцев [41, 11]. Нередко в повествованиях о животных народов Юго-Восточной Азии прослеживаются древние этиологические мотивы («Заяц, курица и тигр»), однако вместе с тем в ряде случаев заметна тенденция к сближению таких сказок с бытовыми; некоторые из них скорее напоминают притчи («Самая умная птица»).

Зачастую отдельные элементы и целые сюжетные схемы китайских, лаосских, кхмерских, индийских сказок попадали во вьетнамский фольклор через посредников, роль которых выполняли малые народы Вьетнама, расселенные на окраинах вьетского государства [41, 8]. Многие сказки, обнаруживающие сильное сходство с китайскими, стали известны вьетнамцам благодаря фольклору народов хмонг-мьен, проживающих на территории Южного Китая и Северного Вьетнама, а также в Лаосе, Таиланде и Мьянме. Такова, например, сказка «Умная жена», которую включают в сборники народных вьетнамских повествований. В китайском фольклоре распространен сходный сюжет под названием «Длинный нос» [46, 175–183], рассказывающий о том,

как крестьянин отправляется вслед за птицей, чтобы вернуть украденный урожай. Ночью он подсматривает за волком, тигром, медведем, обезьяной и птицей, которые достали волшебную яшмовую шкатулку из-под корней сосны. Когда животные уходят, крестьянин забирает шкатулку, выплачивает долг помещику и обретает счастье. Помещик, выпытав у крестьянина подробности этой истории, тоже отправляется за шкатулкой, однако звери обнаруживают его и калечат. Примечательно, что в сказке, известной вьетнамцам, содержится множество явных отсылок именно к культуре горных народов, а не ханьцев, что безусловно говорит о путях заимствования этого повествования.

Ряд сюжетов и мотивов вьетнамских сказок вплоть до деталей, напротив, практически полностью повторяет ханьские, что легко объяснимо широкомасштабными культурными заимствованиями в период Северной зависимости. Так, например, в сказке «Как дракон воду пил» разрабатывается сюжет о проглоченной волшебной жемчужине, распространенный у китайцев. Один из его популярных вариантов, известный в Китае под названием «О том, как Ча превратился в дракона», повествует о пастухе, который разбогател благодаря чудесной драгоценности. Позабыв о том, как сам жил в нужде, юноша отказывает в помощи односельчанам. По случайности или поддавшись скаредности, он проглатывает жемчужину и превращается в дракона [40, 218–220].

Сюжет сказки «Жена-птица» восходит к известнейшему китайскому мифу о «Ткачихе и Волопасе» (*кит.* 牛郎織女; *вьетн.* «*Ngũu Lang Chũc Nũ*», тж. «*Ông Ngâu Bà Ngâu*»). Под влиянием вьетнамской фольклорной традиции повествование приобрело характерные черты волшебной сказки. История эта до сих пор горячо любима во Вьетнаме, к ней охотно обращаются современные поэты — продолжатели традиции народной поэзии [125, 61].

Как и в китайской повествовательной традиции, во вьетнамском фольклоре распространены сказки о тиграх — похитителях девушек. Согласно архаическим воззрениям ханьцев, тигр как тотемное животное имел право вступать в брачные отношения с человеком. Мотив свадьбы тигра и женщины был популярен и в китайской средневековой сказочной новелле [19, 8]. В уже упоминавшейся нами сказке «Волшебный барабан» тигр держит в плену трех девушек-красавиц, которые выполняют функции его жен: ждут его возвращения с охоты, поддерживают огонь, стряпают еду. В сказке «Злая мачеха» тигр выступает в качестве тотемного предка, который подвергает мальчиков на пороге совершеннолетия испытанию-инициации.

Функции хранителя леса как пространства, не подвластного человеку, средоточия природной мощи также выполняет большой старый змей (царь-змей, питон и т.п.). В китайской сказке-легенде «Царь-удав» [19, 279–283], сохранившей ряд архаичных мотивов, образ юноши-змееборца сближается с образом мифического стрелка И, который избавил людей от страшных

чудовищ. Другое китайское повествование — «Жених-змея» [19, 80–81] — во многом сходно с представленной в данной книге сказкой «Как девица питона в мужья взяла». Здесь хранитель леса функционально близок тотемному животному (требует себе в жены девушку) и одновременно приобретает характерные функции чудесного супруга (сбрасывает кожу и превращается в красавца).

Особого упоминания заслуживает дальневосточный сказочный цикл типа «Золушка». Варианты этого повествования, распространенные у народов Китая и Вьетнама, исследованы китайским ученым Тин Найдунем [200]. По его мнению, в азиатском регионе бытуют два основных типа сюжета внутри одной традиции. Первый, более древний, скорее всего, возник в сельских районах средневекового Вьетнама, расположенных между современными Ханоем и Хайфоном, а затем распространился на юге Китая (современные провинции Гуандун и Гуанси). Второй же возник сравнительно поздно — примерно 500–600 лет назад — в провинции Гуандун [200, 32–33].

Самый ранний из известных сюжетов данного типа записан в своего рода краткой энциклопедии литератора Дуань Чэнши (IX в.) [78, 1131]. Эту легенду пересказал Дуань Чэнши слуга его семьи, который был выходцем с юга, что также подкрепляет предположение о вьетском (или южнокитайском?) происхождении повествования. Этот древнекитайский вариант «Золушки» чрезвычайно близок вьетнамской сказке «Там и Кам», представленной в данной книге. Сказка повествует о доброй и кроткой девушке по имени Там и ее ленивой и завистливой сводной сестре — Кам. Как и в западных версиях сказки, трудолюбивая сирота терпит издевательства мачехи, а затем получает в дар богатые наряды и удивительной красоты туфельки, чтобы отправиться на празднество.

И в юго-восточных, и в китайских вариантах повествования данного типа мать «Золушки» перерождается в теле животного, связанного с водой, однако в сказках вьетов, тямов, тайцев это почти всегда рыба (креветка), в то время как у ханьцев — корова или буйволица (ср. со сказкой «Жена-птица»). В представленном варианте связь волшебного помощника (в Европе эту функцию обычно выполняет фея) и матери Там неочевидна, но порой об этом говорится напрямую, например, в сказках народа хмонг [59, 264–269]. Ключевую роль играет мотив бережного собирания и захоронения костей родителя, от которых героиня впоследствии получает щедрые подарки (см. также сказку «Дочь слона»). Согласно древнейшим представлениям китайцев и вьетнамцев, почтительное отношение к останкам предков и своевременное отправление соответствующих поминальных ритуалов обязательно принесет живым потомкам благополучие и удачу, в то время как пренебрежение этими обязанностями или неправильное их исполнение ведет к бедам и даже прерыванию рода. Заслуживает внимания обязательное упоминание кормления животного, в теле которого воплотилась душа матери, что также связано с подношениями предкам

в виде пищи (рис, куриное мясо, фрукты и т.п.) и алкоголя. Что особенно важно, кости и другие останки тел родителей и героев (перья, пепел, щепки, угольки и т.п.), причем обязательно собранные целиком, нужны для последующих перерождений. Этот мотив сохранения целостности останков, необходимого для воскрешения, также реализован в легенде о Куоэ и баньяновом дереве.

Вьетнамские сказки необычайно поэтичны. Даже короткие и незамысловатые на первый взгляд повествования не обходят стороной описания зеленых рисовых полей, персиковых и сливовых деревьев, покрывающих невысокие вьетнамские горы подобно вышивке, что украшает девичьи платья. Упоминания тех или иных деревьев и трав отнюдь не случайны. Бетелевая лоза и семена арековой пальмы, из которых готовят бетелевую жвачку, в сказке «Там и Кам» символизируют ритуалы поминовения в честь отца девушек-героинь, исполнение дочернего долга и в то же время неразрывно связаны со свадебной обрядностью. В паре «арека — бетель» семя («орех») пальмы ассоциируется с мужским началом, а листья бетеля — с женским. Символизм этих растений, отождествляемых с плотью и кровью супругов, страстью, любовью, преданностью и семейными узами, в полной мере отражен в классическом сюжете о происхождении бетелевой жвачки, вошедшем в уже упомянутый сборник старинной вьетнамской прозы XV в. «Дивные повествования земли Линьнам». Как повествует легенда, вьетнамский обычай жевать бетель и ареку вместе с известью появился во времена полубогородной династии Хунгвьонгов (III тыс. до н.э. — 258 г. до н.э.), причем составляющие, необходимые для изготовления жвачки, появились из человеческой плоти, а именно из тел братьев Тана и Ланга, а также жены Тана — Льен.

Рано осиротевшие Тан и Ланг любили и поддерживали друг друга во всем. Когда братья выросли, они познакомились с прекрасной девушкой, которая попросила у родителей дозволения выйти замуж за старшего — Тана. Ланг остался жить вместе с братом и его молодой женой, страдая от того, что Тан, охваченный любовью к супруге, совсем позабыл о нем. Однажды Тан по ошибке обвинил Ланга в том, что тот домогается любви его жены. Не умея оправдать себя, младший брат бежал из дому, долго скитался и в конце концов умер на берегу далекой реки. Его тело превратилось в камень-известняк. Тан, тоскуя по изгнанному брату, пришел на место его гибели, где уснул вечным сном. Из его плоти выросла арековая пальма. Льен, не в силах вынести разлуку с мужем, отправилась на его поиски, нашла то место, где умерли братья, и там сделалась лозой бетеля, обвинившей ареку [24, 95–97].

Как известно, семена ареки при жевании стимулируют слюноотделение и окрашивают слюну в красный цвет, что вызывает ассоциации с кровью и всякий раз напоминает о нерушимости семейных уз — родственных и брачных. Этот мотив бетелевой жвачки как символа супружеской любви, возрождающейся в каждом последующем перерождении, прослеживается

и в повествовании о «вьетнамской Золушке». Претерпевшая множество страданий Там наконец воплощается в теле девушки-феи, которая появляется по ночам из плода хурмы. Благодаря доброте хозяйки чайной, приютившей девушку, героиня вновь встречается с супругом. Государь узнаёт свою погибшую некогда жену по тому, как искусно она приготовила для него бетель в виде крыла феникса — особый вид бетелевой жвачки, украшенной съедобными лепестками цветов красного цвета. Эти декоративные элементы и дали название угощению, напоминающему алое крыло почитаемого во Вьетнаме мифологического животного. Феникс символизирует женское начало, императрицу, т.е. саму Там, в то время как дракон — императора, ее супруга.

Нередко во вьетнамском фольклоре в качестве растения, обладающего большой сверхъестественной силой, выступает бамбук. С его помощью герои успешно проходят испытания-инициации и наказывают своих обидчиков («Бамбук о ста коленцах», «Сказка о дровосеке»).

Бамбук почитается народами Дальнего Востока как символ долголетия, стойкости, жизненной силы, а также рассматривается в качестве связующего звена между Небом и Землей. Например, в японских сказках путь на Небо нередко связан с выращиванием бамбука [47, 379]. Из длинной бамбуковой жерди вьетнамцы изготавливают новогодний шест *кэй нэу* (вьетн. *sâu pêu*). Бамбук, украшенный листьями баньяна, колокольчиками, медными пластинками, фигурками рыбок и фонариками, — своего рода сигнал для духов предков семьи, чтобы они пришли в мир живых и отметили главный праздник годового цикла с семьей. По-видимому, *кэй нэу*, как и праздничные шесты других народов (например, майское дерево в Европе), имеет глубокие культурно-мифологические корни и отсылает к древнейшим представлениям о космическом древе, мировом столпе [101, 47].

Во вьетнамском фольклоре бамбук связан с именем народного героя Тхань Зонга, духа — покровителя растительности и родоначальника кузнецов. Великан Тхань Зонг, подобно русскому Илье Муромцу, прежде немощный и ни на что не годный, перед лицом опасности, грозящей родине, обретает невиданную силу и отправляется сражаться с иноземными захватчиками — ханьцами. Как гласит предание, во время боя с неприятелем у Тхань Зонга сломалась железная палица — тогда он вырвал несколько стеблей бамбука и стал разить ими врагов. На помощь герою подросли два земледельца с колотушками, одна из которых была сделана из дерева, а другая — из бамбука. После победы оба они исчезли, оставив свои колотушки. Из одной появилась роща деревьев, а из другой — заросли бамбука. Считается, что эта роща сохранилась до сих пор [104, 222].

Бамбук, будучи символом вьетнамской общины и «низкой» деревенской культуры, в сказочных повествованиях выступает как атрибут народного героя, противопоставляемого богачам, феодалам и несправедливым правителям. От рождения обездоленные, находчивые и смелые герои

народных сказок, как правило, зарабатывают себе на пропитание тем, что рубят бамбук. Старец — часто упоминаемый во вьетнамском фольклоре волшебный помощник — помогает доброму юноше добыть невесту с помощью чудесного бамбука, который имеет свойство соединяться в одну длинную жердь, в известнейшей сказке «Бамбук о ста коленцах». Благодаря удивительному растению герой из простонародья обретает счастье, а богач наказан.

Среди волшебных сказок Вьетнама выделяются повествования о представителях образованного сословия — ученых-конфуцианцах и студентах (школярах), которые только готовятся сдать конкурсные экзамены на ученую степень («Три лисы-оборотня», «Ту Уйен»). Во Вьетнаме, как и в других странах дальневосточного культурного ареала, где господствовала конфуцианская идеология, основная цель системы образования состояла в подготовке квалифицированного административного аппарата в ходе трех-четырёхлетнего цикла экзаменационных испытаний. Такая система существовала во Вьетнаме примерно с XIII–XIV вв. до начала XX столетия. С 1177 г. действовала система экзаменов, программа которых предполагала изучение конфуцианства, даосизма и буддизма. В 1304 г. окончательно установилась программа экзаменов на чин. В нее вошли четыре обязательных испытания: запись текста, выученного наизусть; объяснение классического текста и написание стихотворения; сочинение указа, императорского манифеста и всеподданнейшего доклада; сочинение на вольную тему [180, 374–375]. Претендовать на ту или иную чиновничью должность было возможно лишь по завершении многолетнего обучения, которое включало освоение огромного количества древних текстов. По мере приобретения необходимых знаний и навыков обучающиеся могли участвовать в конкурсных экзаменах. В случае успеха экзаменуемые удостоивались одного из званий лауреата конкурсных экзаменов (в разные эпохи титулы, их градация и смысловое наполнение менялись). Процесс обучения был необычайно труден и требовал больших материальных затрат, так что нередко «пора студенчества» затягивалась на десятилетия. Истории известны случаи, когда сын и его убежденный седидами отец участвовали в одних и тех же экзаменационных испытаниях.

Сказки об ученых и школярах появились не ранее XV в., когда конкурсные экзамены во Вьетнаме стали проводиться на регулярной основе. Некоторые из этих повествований несут в себе явные черты позднесредневековых новелл о сверхъестественном, ставших популярными в период китайской династии Цин (1644–1912). Как и истории, вошедшие в сборник знаменитого китайского писателя Пу Сунлина «Рассказы Ляо Чжэя о необычайном» [149], элементы фантастики в этих вьетнамских историях органично переплетаются с описаниями социальных реалий прежней жизни (подготовка и сдача конкурсных экзаменов, вступление в должность). Действие легенды о Ту Уйене происходит в столице вьетнамского государства, Тханглонге (совр. Ханой), и изобилует деталями местной топонимики и китаизмами,

1. Золотая черепаха Ким Куи дарует Ан Зыонг-вюонгу волшебный арбалет

2. Зыонг Ле созывает своих жен

3. Триумфальное возвращение лауреата государственных экзаменов на родину

4. Рыбы в бочках

5. Петух — хранитель времени и семейного очага

6. Генерал

7. Шествие с барабанами

8. Тхатъ Сань стреляет в орла

что также следует отнести к поздним явлениям во вьетнамском фольклоре. Как отмечает Н.И. Никулин, по-видимому, некоторые из подобных историй созданы в среде образованного сословия и не являются народными сказками [41, 12].

Несомненно, изучение сказочного материала требует междисциплинарного подхода, кропотливых филологических, культурологических, исторических изысканий. По этой причине мы не ограничились одним лишь анализом сказочных сюжетов, героев и мотивов и снабдили тексты подробными культурологическими комментариями и историческими справками. В нашей работе мы следовали теоретическим трудам В.Я. Проппа и Е.М. Мелетинского, привлекая к анализу обширный фольклорный материал не только собственно вьетнамцев, но и многих других народов Восточной и Юго-Восточной Азии — ханьцев, дунган, тямов, хмонгов, кхмеров, бахнаров, седангов, монголов, ли, стиенгов и др. Структурно и методологически представленная работа опирается на исследования отечественного востоковеда и филолога Б.Л. Рифтина. Наряду с классическими указателями сказочных сюжетов и мотивов А. Аарне [61], Н.П. Андреева [1] и С. Томпсона [62] мы использовали новейшие данные аналитического каталога фольклорно-мифологических мотивов Ю.Е. Березкина и Е.Н. Дувакина [228], актуальные для анализа и сравнения мифологических мотивов, следы которых можно обнаружить во многих преданиях и сказках вьетнамцев. Книга включает 25 сказочных и легендарных сюжетов, опубликованных в ряде вьетнамских сборников повествовательного фольклора [69; 70; 65; 68]. Значительная их часть ранее не переводилась на русский язык. Коллектив авторов выражает надежду на то, что эта работа внесет посильный вклад в изучение народных вьетнамских повествований и введет в научный оборот новый фольклорный материал, все еще мало знакомый современным исследователям.

В качестве иллюстраций к книге использованы уже упомянутые нами лубочные картины Донгхо, выполненные в технике цветной ксилографии, из личной коллекции известного специалиста по художественной культуре Вьетнама Н.М. Краевской. Народная картина — один из наиболее популярных самобытных видов вьетнамского изобразительного искусства, интерес к которому вспыхнул с новой силой в конце XX — начале XXI в.

Принято считать, что ксилография появилась во Вьетнаме не позднее XI в., однако следует отличать собственно народную картину и более ранние изображения, служившие нуждам буддийского культа, поскольку по своим функциям и художественным особенностям они существенно различались. Во Вьетнаме сложилось несколько основных центров производства лубка — Донгхо, Хангчонг, Синь, Кимхоанг. В то время как ханойские мастера с улицы Хангчонг, расцвет деятельности которых пришелся на XIX в., использовали приемы классической дальневосточной живописи, деревенские картины в плане сюжетов и техники исполнения воплощали

фольклорные традиции вьетнамцев. Местом зарождения деревенской гравюры стала деревня Донгхо, расположенная неподалеку от Ханоя. Мастера Донгхо с XVI в. изготавливают новогодний лубок *чань тет* (вьетн. tranh Tết), изначально предназначенный для отправления соответствующих семейных ритуалов, тесно связанных с культом предков. Техника изготовления деревянных матриц, бумаги и красителей бережно передается из поколения в поколение. Для создания одной цветной картины необходимо от трех до пяти печатных досок, каждая из которых окрашивается в один цвет. Последним делают оттиск черного контура. Все красители мастера каждой семьи изготавливают по собственным рецептам — обязательно из натуральных материалов. Для получения зеленой краски используют яр-медянку, черной — китайскую тушь, желтой — цветки софоры, оранжевой — древесные смолы и т.п.

Тематику изображений лубка во многом определила их благопожелательная и защитная функции. Накануне Нового года вьетнамцы наклеивали яркие картины на стены, двери и ворота домов, стремясь уберечь жилище от воздействия злых духов, лубком украшали алтарь предков, его дарили детям с пожеланиями удачи, успехов в учебе. Помимо религиозных и праздничных картин с изображениями божеств, Духа домашнего очага, духов-охранителей, благопожелательных символов, животных китайского зодиака широко известны лубки исторического цикла («Госпожа Чьеу верхом на слоне», «Чан Хынг Дао разит врагов»), а также картины на мифологические, легендарные, литературные сюжеты («Тхатъ Сань стреляет в орла»).

В книге представлены лубочные картины известных мастеров деревни Донгхо — Нгуен Данг Те, Нгуен Хыу Сама и художников его семьи. Нгуен Данг Те — один из последних ныне живущих хранителей традиции изготовления деревенской гравюры. За многие десятилетия активной работы он собрал обширную коллекцию старых печатных досок, которые можно увидеть в центре-музее Донгхо. Картины его семейной мастерской отражают классические традиции деревенского лубка — использование цветного фона, намеренно искаженные пропорции человеческих фигур, изображение жанровых сцен и благопожелательных символов, исторических и легендарных героев вьетнамской истории.

Нгуен Хыу Сам долгие годы был ведущим мастером одной из наиболее уважаемых династий художников Донгхо. После его смерти в 2016 г. руководство семейным делом перешло к его сыну, Нгуен Хыу Куа. Выбранные нами картины этой мастерской позволяют оценить разнообразие тем и стилистики лубка, бытующих в рамках даже одной семьи художников. Здесь представлены цветные и черно-белые оттиски, выполненные на белом фоне, а также традиционные яркие и праздничные лубочные картины на популярные сюжеты. Среди них — благопожелательные изображения мальчиков с почитаемыми и священными животными в руках, юмористические и сатирические картинки — «Сцена ревности», «Учитель-жаба», «Сбор кокосов».

Тематика и сюжеты лубочных картин тесно связаны с фольклорным материалом, который исследован в нашей книге, однако помимо желания достичь целей сугубо научных, мы выражаем надежду на то, что художественная выразительность и оптимизм, присущий вьетнамским народным картинам, не оставят читателя равнодушным и доставят ему искреннее удовольствие.

Юлия Минина

СКАЗКИ

КАК ДРАКОН ВОДУ ПИЛ

В стародавние времена в одной деревне жил юноша. Он собирал на продажу хворост — зарабатывал себе на пропитание. Парень этот был очень беден, ел только жидкую овощную кашу, так и перебивался со дня на день. Носил он круглый год одну и ту же рваную ветошь, вот и прозвали его Заплаткой¹.

Как-то раз шел Заплатка с вязанкой хвороста мимо пруда и увидел в воде двух лягушек. «Эге! Сейчас я их поймаю!» — подумал парень, положил на землю свою ношу и потихоньку полез в пруд. Лягушки, заметив человеческую тень, тут же нырнули на глубину. Заплатка набрал полную грудь воздуха, нырнул вслед за ними и, зажмурив глаза, принялся шарить руками по дну. Долгонько он провозился, но в конце концов ухитрился поймать одну лягушку. Вытащил Заплатка добычу на берег, крепко скрутил лягушку своей набедренной повязкой и бросил ее на землю, а сам полез за второй².

Вдруг откуда ни возьмись налетел коршун, схватил лягушку, завернутую в повязку Заплатки, и взмыл в небо. Так бедный парень остался и без лягушки, и без последней своей одежды. Опечалился юноша, сел и заплакал.

Шел мимо старец, увидел убитого горем Заплатку и спрашивает:

— Отчего ты так громко плачешь?

Заплатка ему отвечает:

— Я несчастный бедняк, отец и мать мои давно умерли, а я зарабатываю на жизнь тем, что собираю хворост. Приходится мне нелегко: день ем, день

¹ В оригинале юношу зовут Кхау (вьетн. Khâu), что означает «сшивать», «штопать».

² Во Вьетнаме лягушек традиционно употребляют в пищу. Несмотря на то что лягушачье мясо — скорее простонародная еда, готовят его с некоторыми изысками и подают с различными приправами, соусами и овощами.

голодаю. Сегодня увидел я вот в этом пруду двух лягушек и с великим трудом поймал одну. Связал я лягушку своей набедренной повязкой и оставил на берегу, но коршун унес и лягушку, и убогую мою ветошь. Теперь и вовсе голым придется ходить.

Старик в ответ:

— Слезами горю не поможешь. Отчего бы тебе не отправиться к Небу и не спросить, за что на твою долю выпали такие тяготы и несчастья?

Услышав речи старца, Заплатка приободрился, утер слезы и отправился искать Небесный чертог.

Шел Заплатка день за днем, вперед и вперед, и пришел к берегу моря. Море огромное, конца-края ему нет, волны грохочут — аж уши закладывает. Смотрит Заплатка туда, сюда — нет переправы. Что же делать? Вдруг вынырнула из воды громадная рыбина и спрашивает Заплатку:

— Куда путь-дорогу держишь? Куда так спешишь?

Заплатка отвечает:

— Я бедный сирота, ничего-то у меня нет: ни еды, ни одежды. Я иду спросить у Неба, за что на мою долю выпало столько невзгод. Но море так велико и могуче, а волны так высоки! Как же мне переправиться?!

Рыба и говорит Заплатке:

— Давай я тебя перевезу на своей спине. А ты, когда удостоишься встречи с Небом, спроси его вот о чем: уже три года я блюду обет и живу в аскезе, а все не могу достичь просветления. Отчего так?

Заплатка согласился похлопотать за рыбину, и та быстро перевезла юношу на другой берег.

Снова Заплатка отправился в путь по суше. Шел он, шел и вот повстречал на своем пути старуху. Старуха остановила Заплатку и спрашивает:

— Куда это ты спешишь?

— Нет у меня отца и матери, нечего мне есть и нечем прикрыть тело. Я иду спросить у Неба, отчего мне так тяжело живется на свете, — ответил Заплатка.

Услышав слова юноши, пожаловалась старуха и на свое горе горькое:

— Есть у меня дочь восемнадцати лет. День-деньской сидит и сжимает левую руку в кулак, ни словечка не вымолвит, и никто не может взять в толк, что за беда с ней приключилась, что за недуг такой ее поразил. Когда дойдешь до Небесного чертога, уж спроси про нее, будь добр!

Заплатка пообещал помочь и отправился дальше. Шел он, шел, без устали шагал вперед и вперед, вдруг слышит — кто-то его окликает:

— Эй, парень, куда путь-дорогу держишь?

Огляделся Заплатка, видит — вышел ему навстречу господин в богатых одеждах. Все рассказал ему юноша как на духу:

— Давным-давно умерли мой отец и мать, оставили меня сиротой. Жил я впроголодь, а несчастный случай и последнее забрал. И тело мне прикрыть нечем! Я иду спросить у Неба, за что мне такие бедствия.

Господин ему и говорит:

— Есть у меня сад, в начале сада растет персиковое дерево, а в конце — сливовое. Не могу взять в толк, отчего уже который год нет на них по весне ни единого цветочка. Когда доберешься до Неба, похлопочи за меня, спроси о моей беде.

Заплатка покивал в знак согласия и пошел дальше. Миновал он глубокие ущелья и высокие горы, переправлялся через быстрые ручьи, продирался сквозь лесную чащу и добрался, наконец, до Небесных врат.

— И зачем ты, простой смертный, явился сюда? — спросило Небо.

— Хочу спросить Небо кое о чем, — смело ответил Заплатка.

Согласилось Небо:

— Так и быть, человечиска. Даю тебе дозволение задать три вопроса.

Говори же!

Начал Заплатка задавать свои вопросы:

— О Небо, в начале своего пути повстречал я огромную рыбину. Сказала она, что блюдет обет целых три года, но по-прежнему не может достичь мира небожителей.

— Во рту у той рыбины лежит волшебная жемчужина, — ответило Небо. — Вели ей разинуть пасть, вытащи жемчужину и скажи: «Роду ты рыбьего, и как же тебе возможно достичь просветления!»

Стал дальше спрашивать Заплатка:

— В другой раз повстречалась мне старуха и посетовала на болезнь своей дочери. Той девушке минул восемнадцатый год, целый день она сидит, сжав левую руку в кулак, и не может вымолвить ни слова.

Сказало на это Небо:

— Пойди к той девушке и скажи: «Я пришел к тебе посвататься!» — и в тот же миг она исцелится от недуга.

В третий раз спросил Заплатка:

— Было дело, окликнул меня господин в богатых одеждах. Хочется ему узнать, отчего персик и слива в его саду никогда не зацветают.

Ответило Небо:

— У корней персикового дерева зарыт кувшин с золотом, а у корней сливового — кувшин с серебром. Надобно вырыть эти сокровища, тогда деревья зацветут.

Заплатка собирался было спросить о собственных бедах и тяготах, но Небесные врата захлопнулись — ведь он уже задал три вопроса. Делать нечего, отправился Заплатка восвояси.

На обратном пути юноша вновь проходил мимо дома с садом, где росли персик и слива. Заплатка передал господину слова Неба. Тот бросился копать под корнями деревьев и в самом деле отыскал два кувшина: один доверху полный золота, а другой — ослепительно белого серебра. Господин был честный человек и, памятуя о том, какой нелегкий путь пришлось проделать Заплатке, отдал ему по половине сокровищ из каждого кувшина.

Затем дошел юноша и до дома старухи, чья дочь страдала от неведомой болезни. Как и велело Небо, Заплатка подошел прямо к девушке и сказал:

«Я пришел к тебе посвататься!» Стоило ему вымолвить эти слова, как девушка сама собою исцелилась.

Долг платежом красен: старуха, желая отблагодарить юношу, и впрямь отдала дочь в жены Заплатке. Тут и золото с серебром пригодились, справил Заплатка богатую свадьбу, никого из гостей не обошел почтением. А когда отгуляли свадьбу, отправились молодые на родину мужа³.

Долго-долго шли муж с женою по суше и пришли к берегу моря. Заплатка спустился к воде и крикнул:

— Эй, рыба! Перевези-ка нас с женой на другой берег, да поскорей, а я передам тебе ответ Неба!

Рыба показалась из воды, послушно подставила спину и перевезла супругов на другой берег. Когда Заплатка с женой ступили на землю, рыба спросила:

— Что же ответило Небо?

— Разинь-ка для начала пасть! — велел Заплатка.

Рыба разинула пасть широко-широко, и юноша увидел, что глубоко в рыбьем горле и впрямь сверкает волшебная жемчужина. Заплатка изловчился и вытащил жемчужину, после чего сказал:

— Роду ты рыбьею, и как же тебе возможно достичь просветления!

Услыхав такие слова, рыба обиделась, нырнула в море и уплыла.

А Заплатка наконец вернулся в родную деревню. Стали супруги обустриваться, построили крепкий дом, покрыли его крышей, а потом принялись плести короба да вязать мешки. Покончив с этим делом, они стали по очереди вкладывать в каждый короб и каждый мешок волшебную жемчужину, и едва только жемчужина касалась дна, любая тара тотчас же наполнялась вкуснейшим нежно-белым рисом. Рис был так хорош, что народ стекался со всей округи, желая купить его. И Заплатка с женой день ото дня богатели. Зажилось им сытно и привольно.

Понадобилось однажды Заплатке уйти из дома по делам. Зная, что вернется лишь через несколько дней, Заплатка пошел в амбар и спрятал волшебную жемчужину на дне корзины с клейким рисом⁴, после чего наказал жене:

— Нужно мне уйти на несколько дней, а пока меня не будет, ты, жена, торгуй только обычным рисом, а клейкий — не трогай.

Жена пообещала так и сделать, и Заплатка ушел из дому.

Через несколько дней пришли люди, попросили жену Заплатки продать им риса, и та, позабыв, что наказывал ей муж, вынесла из амбара корзину с клейким рисом. Похвалили покупатели рис, погрузили на спины тяжелые мешки да короба и ушли — сами того не зная, забрали и жемчужину.

³ Во Вьетнаме считается, что после свадьбы молодожены обязательно должны перебраться в дом мужа. Остаться жить с родителями жены — неприлично. После замужества женщина начинает трудиться на благо семьи супруга и обязана почитать его родную общину, отдавать почести его предкам.

⁴ Клейкий рис (*вьетн.* gạo nếp) особо ценится в традиционной пищевой культуре Вьетнама за свои вкусовые качества и питательность (подробнее см. в «Указателе культурных реалий»).

Отбыли покупатели, а тут и Заплатка домой возвращается. Пошел Заплатка в амбар, видит — продала жена корзину с клейким рисом. Схватился он за голову и во весь дух помчался догонять покупателей, а догнав, принялся обыскивать все мешки и корзины. На дне короба с клейким рисом отыскал Заплатка жемчужину и вздохнул с облегчением. Но не тут-то было! Поняли люди, что вот-вот лишатся сокровища, и набросились на Заплатку, пытаясь отобрать у него жемчужину силой. Заплатка же, побоявшись остаться без волшебной жемчужины, положил ее в рот и проглотил.

С тех самых пор стала мучить Заплатку необоримая жажда. Выпив один кувшин воды, он тотчас же принимался за следующий. Страдая, спустился юноша к ручью и принялся пить его воды, и пил день и ночь напролет. Обмелел ручей, пересох. Тогда Заплатка отправился к морю и нырнул в него с головой. Чем больше он пил, тем шире и длиннее становилось его тело. В конце концов превратился юноша в дракона о двух рогах, да так и остался жить в море.

Жена прождала Заплатку три дня и пошла его искать. На морском побережье она увидела огромного ослепительно золотого дракона. Дракон поднимался к небу, унося с собою столп морской воды. Стоило дракону махнуть хвостом направо, как над полями в низинах начинался дождь, стоило ударить хвостом налево — ливень орошал поля высоко в горах.

С того времени и по сей день можно увидеть, как желтый дракон снова и снова появляется над морем, опускает вниз свой хобот⁵ и уносит воду, чтобы сотворить дождь.

⁵ У вьетнамского дракона нет хобота, здесь имеет место образное сравнение. Сказка объясняет происхождение такого природного явления, как водяной смерч, название которого на вьетнамском языке так и звучит — буквально «драконий хобот» (*вьетн.* vòi rồng).

ТРИ ЛИСЫ-ОБОРОТНЯ

Рассказывают, будто жил в прежние времена один богатый вдовец. Сыноуей у него не было, послало ему Небо одну-единственную дочь, и в ней-то старик души не чаял. Мало-помалу выросла девочка и превратилась в прекрасную девушку — нежную и задумчивую. Отец любил баловать дочь без меры и, желая угодить драгоценному чаду, разбил изумительной красоты сад. Сам накопил разных цветов и трав и посадил их в великом множестве возле дома, чтобы девушка могла гулять и любоваться пейзажем.

В лесу о ту пору жили три лисы-оборотня — жили долго, с незапамятных времен. Ведь как оно бывает: вначале старая кошка уходит на житье в дремучий лес и там превращается в лису, а старая лиса уже становится бесом, которому дается высшее дозволение менять обличье и подшучивать над людьми. Так оно все и случилось с тремя лисами, из-за древности своей переродившимися в нечистую силу.

Прослышали как-то лисы, что есть у богача красавица-дочка, и захотели ее извести. Обернулись три беса цветком, да таким, что ни до, ни после никто прекраснее и удивительнее не видывал. На тонком стебле нежный бутон с тремя лепестками, каждый лепесток своего цвета — желтого, фиолетового и красного.

Старый богач увидел удивительный цветок на рынке, купил его и посадил в домашнем саду. Пестрый бутон блистал красотой, в мире не встречаемой, однако ж дочери подарок не пришелся по сердцу. Сама не зная отчего, девушка опасалась подходить к странному цветку и только смотрела на него издалека, зябко поводя плечами. Вскоре она и вовсе перестала обращать на цветок внимание.

Цветок расцвел и начал увядать, а лисы забеспокоились, как бы засохшие лепестки не выдали их истинного обличья. Тогда, посрамленным,

им пришлось бы вернуться в лес. Старик увидел, что дочери не понравилась его диковинная находка, взял лопату и принялся выкапывать цветок. У хрупкого и изящного на вид растения оказался крепкий корень, источавший нежный аромат. Поразмыслив, старик отсек один отросток, выстрогал из него щеколду и приладил к засову на двери, ведущей во внутренние покои¹.

Так лисы наконец проникли в дом и той же ночью оказались в комнате дочери богача. Самая большая и старая лисица, которую остальные оборотни почитали главной, решила напугать девушку и явилась перед ней в своем истинном обличье. Девушка, увидев оборотня, хотела закричать, однако стоило ей открыть рот, как лиса мигом выпила ее душу и запрыгнула назад в дверную щеколду.

Во внешних покоях старик сквозь сон слышал странный шум. Почуввав недоброе, он проснулся и поспешил к дочери. Дверь в комнату девушки была по-прежнему заперта изнутри, и на стук никто не открыл. Пришлось отцу позвать домашних и вместе отпереть засов силой. Войдя, богач увидел, что дочь лежит без памяти. Как он ни тряс девушку, как ни звал, а все не мог добудиться. Несчастливая едва дышала, сраженная неведомой болезнью.

Старик не хотел оставлять занедужившую дочь одну и разостлал свою циновку под дверью в ее покои. Понемногу все снова улеглись, а три лисы, увидев, что старик заснул, выскочили из дверного засова и принялись его душить. Старик дернулся было, хотел позвать на помощь, но лисий вожак тотчас проглотил и его душу, после чего бесы вновь исчезли в дверной щеколде.

Утром пришли домашние и увидели ужасную картину — теперь и хозяин дома лежал в забытьи, во власти смертного недуга.

Не зная, как помочь горю, позвали мастера-чародея², чтобы он сделал подношения и изгнал нечистую силу. Мудрец молился без отдыха, и на третий день старый богач очнулся, но бедной его дочери ничто не помогало. Так в молениях прошло полмесяца, и в конце концов даже у мастера опустели руки.

Клонился к закату очередной печальный день, а мимо дома богача проходил учитель каллиграфии. Попросился он к старику на постой. Молодой ученый направлялся в столицу, чтобы попытаться силы на

¹ Традиционное жилище зажиточных вьетнамцев разделялось на внешние и внутренние покои. Внутренние покои считались женской половиной дома, и мужчинам там появляться не следовало, если только речь не шла о посещении жен и наложниц хозяином дома. Исключение также составляли крайние случаи — какое-либо бедствие, болезнь кого-то из домочадцев и т.д.

² Имеется в виду человек, который обладает знаниями в сфере целительства и, как считается, умеет общаться с потусторонними силами (подробнее см. **мастер-чародей** в «Указателе культурных реалий»).

государственных экзаменах³, и сумерки застали его на самых подступах к городу.

Домашние встретили учителя с почтением, но предупредили, не таясь:

— Дом этот во власти нечистой силы. Лучше бы вам, Учитель, поискать ночлега в другом месте.

Учитель на это без страха ответил:

— Я ученый и потому всю ночь провожу в тишине и безмолвии, читая мудрые книги. Ни один бес не осмелится побеспокоить меня дерзкой шуткой. Вот увидите — после того, как я здесь переночую, дом очистится от скверны.

Услышав такие слова, старик согласился принять учителя, пригласил за свой стол и велел приготовить ему постель, однако молодой ученый и впрямь не собирался ложиться. Покончив с ужином, он попросил дать ему лампу, нож и моток разноцветных ниток. Его пожелание тотчас исполнили. Удалился учитель в отведенные для него покои, укрепил книгу на подставке и сел заниматься, а нож и нитки оставил на столе.

Поздней ночью один из бесов вышел наружу и явился в образе изящной девы. Юная красавица вступила в круг света лампы и показалась учителю. Ученый невозмутимо продолжал читать и, даже когда отчетливо увидел на полу человеческую тень, не поднял головы.

Оборотень молча постоял перед учителем и вскоре исчез.

Следом за первой лисой из щеколды выпрыгнула вторая. На этот раз бес принял вид страшной и злобной бабы — распущенные волосы встрепаны, изо рта свисает красный язык с локоть длиной. Отвратительное чудовище быстро двинулось к учителю и коснулось его волос, уложенных в узел, потрогало за плечо. Молодой ученый по-прежнему тихо и прилежно занимался, глядя в книгу. Бес обежал кругом подставку для книг, но и тогда учитель не изменился в лице. В конце концов оборотень исчез.

Последним появился лисий вожак. Он превратился в молодую девушку. Мнимая девица вошла к учителю, и покои словно бы наполнились чудесным ароматом. Однако, увидев ученого, сидящего за книгами, бес в страхе закричал:

— Служитель Неба! Служитель Неба! Скорее, прячемся!

Напуганный бес побежал прочь, но учитель схватил со стола нож и погнался за ним, рубанул раз, другой и вроде попал в цель. Оборотень скользнул в дверной засов и исчез. Учитель посветил себе лампой и увидел на полу отрезанную лисью ногу, из которой все еще сочилась кровь. Тогда он взял моток ниток и крепко-накрепко перевязал дверную задвижку, так что бесы оказались заперты в своем убежище. Вскоре оборотням стало невмоготу, к тому же лисий вожак был сильно ранен. В конце концов бесу пришлось выплюнуть душу девушки.

³ В период с XIII–XIV вв. и вплоть до начала XX столетия во Вьетнаме существовала система государственных конкурсных экзаменов на чин, которая сформировалась под непосредственным и сильным китайским влиянием (подробнее см. **государственные экзамены** в «Указателе культурных реалий»).

Во внутренних покоях дочь богача тотчас очнулась от смертного сна и, не понимая, что же такое с ней приключилось, вышла навстречу учителю. Учитель рассказал ей про оборотней и вывел к отцу и домашним. Все радовались без меры, однако ж, когда видели волосатую лисью ногу, перепачканную кровью, только качали головами и вздрагивали от ужаса.

Утром следующего дня молодой учитель рано собрался в дорогу, спеша прибыть в столицу к началу экзаменов. Старик провожал ученого с большим почтением и благодарностью, хотел преподнести ему *ланг*⁴ золота, но тот не принял, попросил лишь, чтобы отдали ему дверной засов из внутренних покоев. На том и простились.

Уже ночью на постоялом дворе учитель вынул из кармана дверную задвижку и положил перед лампой.

— Ну что, — строго сказал он лисам, — вы, бесовское отродье, отучитесь у меня досаждать людям или нет? Если нет, расколю засов на мелкие щепки и брошу в огонь, тут вам и придет конец.

Лисы в страхе отвечали:

— Обещаем господину, что это было в последний раз!

— С этой поры будете добывать себе пропитание достойными делами, — продолжал учитель. — Еще раз услышу, что вы творите зло, — пощады не ждите.

Сказав так, учитель размотал разноцветные нитки и выбросил засов в заросли бамбука.

Известно, что в тот раз он успешно выдержал экзамен и добился звания первого лауреата⁵. Старый богач с радостью выдал за него свою дочь.

После свадьбы ученый отвез молодую жену к себе на родину. Народ встречал учителя с большим почетом и устроил в его честь пышное празднество⁶.

⁴ Ланг — вьетнамская мера веса, равная 37,301 г.

⁵ Учитель каллиграфии удостоился звания высшей первой степени лауреата конкурсного экзамена в императорском дворце — *чанг нгуен* (вьетн. *trạng nguyên*).

⁶ В имперском Вьетнаме вступление в должность чиновника или получение ученой степени на государственных экзаменах обставляли с большой помпой. Снаряжался пышный выезд с паланкином, причем порядок следования кортежа, одежда и прическа сановника и сопровождающих были подробно регламентированы церемониалом. Независимо от места дальнейшей жизни и службы лауреат государственных экзаменов вначале с триумфом возвращался к себе на родину, чтобы почтить родителей и предков. Церемония торжественного возвращения (вьетн. *vinh qui*), да и вообще любое появление сановника на людях, предполагала наличие свиты, глашатаев, эмблем и атрибутов власти, таких как большой красный зонт, веер, особое платье и шапка, пожалованные государем, и т.д., что подчеркивало престиж образованного чиновного сословия.

ВОЛШЕБНЫЙ БАРАБАН

Случилось это в незапамятные времена. В далеком лесу росли бок о бок два дерева — баньян и тутовник. Однажды шли мимо трое братьев. Возвращались они с горного поля, крепко проголодавшись после тяжелой работы. Заприметили юноши красные, налитые соком плоды тутовника и забрались на дерево, чтобы нарвать спелых ягод.

Сидит на дереве старший брат, лакомится сладким тутовником, набивает рот, вдруг видит — на ветке баньяна раскачивается барабан. Юноша и говорит братьям:

— Глядите! Вон там на ветке баньяна висит барабан. По всему видно, что он во владении у духа. А ну слезайте вниз!

Сказав так, старший брат проворно спустился на землю.

Глянули младшие юноши на баньяновое дерево — и впрямь висит на нем барабан, одна сторона синяя, другая красная. Испугался средний брат и тоже поскорее спрыгнул на землю, а младший знай себе рвет тутовник. Рвет и приговаривает:

— Ну дух, ну и что с того? Не страшно нисколько!

С этими словами сорвал юноша большую ягоду тутовника и бросил прямо в барабан. «Пынг-пынг», — отозвался барабан.

В тот же миг из самого ствола баньянового дерева раздался голос:

— Кто смеет трогать мой барабан?

Не на шутку испугались старшие братья, задрожали, стали укорять младшего:

— Говорили тебе! Барабан этот не простой, а ты и ухом не ведешь! Уже и дух явился, осерчал на тебя!

И тут не испугался младший брат, только глянул на старый баньян и говорит:

— Я смею!
— Чего тебе надобно, человечиска? — спросил дух.
— Хочу одолжить твой барабан, — ответил храбрый юноша. — Дашь ли на то позволение?
— Для чего тебе мой барабан? — снова спросил дух.
— Чтоб идти свататься.
— Что ж, так и быть, — согласился дух. — Возьми мой барабан, но запомни крепко-накрепко: если ударишь по синей стороне — убьешь человека, а ударишь по красной — к жизни вернешь мертвеца. Как добудешь себе жену, принеси барабан назад.

Обрадовался юноша, полез на баньяновое дерево и снял волшебный барабан с ветки. Старшие братья только подивились, но спорить не стали.

Путь домой был неблизкий, стали собираться в дорогу. Старший брат взял плуг, средний — серп, а младший срезал стебель ротанга, повесил на него волшебный барабан и так понес.

Долго шли братья, когда выбрались из леса, уже и сумерки на землю опустились. Вдруг где-то в отдалении будто огонек мелькнул. Решили юноши подойти поближе, посмотреть, есть ли там кто живой, и вышли к большой каменной пещере. Видят: сидят три девицы, одна другой краше, и стряпают ужин. Подал голос младший брат:

— Дело к ночи, а путь до нашего дома неблизкий. Позвольте нам передохнуть здесь до утра.

Отвечает ему на это одна девица:

— В пещере этой живет старый тигр. Давным-давно он похитил нас и держит здесь силой. А стоит явиться чужаку, он тотчас съедает его. Добрые юноши! Поскорей идите отсюда прочь!

Не испугался младший брат, говорит девице:

— Подумаешь — тигр! Было бы чего бояться! Разрешите нам остаться здесь на ночь и перевести дух.

— Не бойтесь смерти — дело ваше, — отвечает девица. — Оставайтесь, коли хотите.

Нарезали юноши листьев, постелили в углу пещеры и улеглись спать.

Глубокой ночью с охоты вернулся большой старый тигр, поводит носом, учуял незнакомый человеческий дух и спрашивает трех девиц:

— Кто это там забрался в мою пещеру? Подавайте его сюда мне на ужин!

Испугались девицы, оцепенели от ужаса, не знают, что и ответить. Тут проснулся младший брат, вскочил на ноги и как закричит:

— Эй ты, старый тигр! Велики ли твои зубы, раз так спешишь отведать моего мяса?

— А ты раскрой глаза пошире да гляди! — отвечает тигр.

Тигр разинул пасть и обнажил свои клыки. Клыки были огромные, величиной с палец взрослого мужчины. Младший брат на это только рассмеялся:

— Всего-то! Разве ж твои клыки сравнятся с моими!

С этими словами находчивый юноша схватил плуг и показал тигру лемех. Увидел тигр, какой лемех большой и острый, испугался.

А юноша говорит:

— Ну а когти у тебя достаточно остры? Покажи-ка их мне, давай померяемся!

Тигр выпустил свои длинные когти, острые, как портняжные шилья. Глянул на них младший брат и давай снова дразнить тигра:

— Какие маленькие! А какие тупые! Даже и говорить не о чем. А ну погляди на мои!

На этот раз юноша высунул из пещеры серп. Тигр до смерти перепугался, а младший брат все не унимается:

— Эй, тигр! А хвост-то у тебя сколько пядей в длину? Сравнится ли с моим хвостом?

Вытянул тигр свой длинный полосатый хвост, а храбрый юноша языком цокает:

— Какой куцый! Таким хвостом только москитов гонять, больше ни на что не годится! Смотри-ка сюда!

Сказав так, младший брат протянул наружу стебель ротанга. Ротанг, конечно, был длиннее любого хвоста. У тигра аж поджилки затряслись. Смеется юноша, потешается над хозяином леса, говорит:

— Победа, видать, за мной!

Тогда тигр собрал все свои силы и зарычал, да так громко, что пошатнулись своды каменных гор.

— Что, слышал мой рык? То-то же. Если не сможешь зарычать так же громко, я тебя сожру! — сказал тигр.

Ничего не ответил юноша, только взял волшебный барабан и ударил по синей стороне. Едва стих голос барабана, тигр упал замертво.

Утром трое юношей вернулись в деревню и привели с собою трех девиц. Вскоре каждый женился на одной из них, и зажили они в мире и согласии. А когда случалась в деревне смерть, они приносили в дом покойника волшебный барабан и возвращали мертвеца к жизни.

Так прошло немало времени. Дух баньянового дерева прознал, что младший брат женился, и потребовал вернуть волшебный барабан.

С тех пор братья уже не могли оживать людей, однако в память об этой истории каждый раз, когда вьетнамцы совершают обряд изгнания нечистой силы или делают подношения, они бьют в гонги и барабаны.

ДЕВА-КУЗНЕЧИК

На обочине одной лесной дороги жил маленький кузнечик. Частенько он выбирался из зарослей, чтобы поесть ароматной травы. Однажды по этой дороге шел бедный юноша-дровосек. Родители его давно умерли, поэтому все звали его просто — Сирота. Шел Сирота рубить бамбук, чтобы заработать себе на пропитание, а кузнечик ему и говорит:

— Сирота, Сирота, куда это ты идешь?

— Иду рубить бамбук! — отвечает юноша, а сам никак не может взять в толк, кто это его окликнул.

Вдруг снова голос:

— Дровосек, дровосек! Сперва навести мой дом, отдохни да поешь. Не побрезгуй приглашением, будь моим гостем.

Услыхал юноша эти сердечные слова, остановился в удивлении. Огляделся по сторонам — никого не видеть.

— Это я с тобою говорю. Я — маленький кузнечик на обочине дороги.

Наклонился Сирота к самой земле, еще больше подивился. Сидит в траве дева-Кузнечик, сама крохотная, а разговаривает человеческим голосом.

— Где же твой дом, милая девушка? — спросил юноша.

Кузнечик только лапкой махнула. Согласился Сирота, пошел следом за маленькой хозяйкой.

Шли они, шли, уже и небо потемнело, дело к ночи, а никакого дома и не видеть. Уговорились Сирота и дева-Кузнечик остановиться на ночлег. Юноша целый день пробыл под палящим солнцем, устал так, что немоготу. Не успел он лечь на травяную свою постель, как тут же и заснул крепким молодецким сном.

Ночью отец и мать девы-Кузнечика поднялись из озерной воды, чтобы построить для любимой дочери большой дом и устроить им с юношей

свадьбу. Ни в чем не поспешили родители: зарезали девять свиней да велели принести девять кувшинов вина. Гуляла свадьба до самого утра. Остались от свиней одни головы, а кувшины опорожнились до последней капли.

Чуть забрезжил рассвет — обернулась Кузнечик прекрасной девицей, стала будить мужа:

— Вставай, вставай, Сирота! Батюшка с матушкой нас обженили. Теперь муж ты мне.

Протер Сирота глаза, вскочил с испугу на ноги и уже бросился было наутек, да жена остановила, удержала ласковым словом, повела новое жилище показывать. Огляделся юноша — стоит дом, да такой большой и красивый, что лучше на всей Земле не сыскать, а внутри всякой утвари полно, за что ни возмись — все новое, чистое, так и блестит. Успокоился Сирота, повеселел, поглядел на свою молодую жену с нежностью.

С тех пор отпала нужда юноше рубить хворост да наниматься на работу в богатые дома. Сам он себе хозяин, а молодая жена подле него, во всем ему помощница. Каждый день ходят они на горное поле мотыжить землю и сажать кукурузу. Жена почитает мужа, муж слушает совета жены. С умом и терпением муж с женою повели дела, и оттого день ото дня их хозяйство только крепло и ширилось.

Однажды остановилась в доме девы-Кузнечика неизвестная молодая женщина. Посмотрела она, как счастливо и богато живет хозяйка с молодым мужем, и позавидовала ей. Стала по покоям ходить да по амбарам, по садам да по полям, еще больше обозлилась. Подозвала завистница к себе Сироту, нашептала ему что-то на ухо и в тот же миг пропала. Кто была эта женщина, какого рода, племени — никто не знал, а только стала она с тех пор каждый день наведываться и допоздна в хозяйском доме сиживать.

Была та женщина хитра, язык имела изворотливый. Стала она потихоньку Сироте на ухо нашептывать, на жену его наговаривать: «Идем лучше со мною, есть у меня много золота да серебра! Жена твоя ленива, день-деньской прохлаждается, пока ты трудишься да потом обливаешься».

Поглядел Сирота на женщину — что ни день, то свежа и весела, ступает изящно, говорит красиво. Мало-помалу стал он поддаваться на коварные уговоры, опостылела юноше его дева-Кузнечик.

Как-то раз попросила женщина Сироту зарезать на ужин козу, а сама набрала чашку свежей крови и припрятала. Дождалась завистница, когда дева-Кузнечик уснет, и обмазала ей губы козьей кровью. Привела Сироту в хозяйские покои и давай наговаривать: «Знаешь ли ты, ведаешь ли, что жена твоя — самому Водяному дракону родная дочь? И собой страшна, а уж нрав какой жестокий! Любит она выпить свежей крови, да так жадно пьет, что даже лицо отереть забывает, так и ложится на постель».

Сказав так, зазвенела завистница золотыми и серебряными браслетами да ожерельями, снова принялась богатством бахвалиться, уговаривать юношу уйти от жены. Поверил юноша, что жена его и впрямь свежей кровью пробавляется, разбудил ее, стал прогонять. Опечалилась жена, заплакала горькими слезами оттого, что муж верит злым наветам больше, чем ей. И просила

она Сироту, и уговаривала, а он все стоит на своем, велит жене убираться восвояси. Тогда дева-Кузнечик и говорит мужу:

— Позабыл ты, как был бедным дровосеком, как жил один-одинешенек в ветхой лачуге, как трудился в поте лица. Позабыл, как жили мы с тобой в мире и согласии. Раз так, зарежь нашего лучшего петуха, я съем его и уйду.

Выслушал неблагодарный муж жену, даже в лице не изменился, зарезал лучшего петуха и подал деве-Кузнечику. Поела дева, снова стала просить:

— Есть у нас много коз. Зарежь самую жирную и дай мне поесть. Тогда я уйду.

Пошел Сирота на скотный двор и, не раздумывая, зарезал лучшую козу, подал мясо жене. Съела дева-Кузнечик козлятину, говорит в третий раз:

— Много в нашем хозяйстве собак. Зарежь для меня самого откормленного кобеля¹, я поем его мяса и уйду.

Не опечалился юноша, не стал торговаться, тотчас исполнил просьбу жены, а сам все о злобной блуднице думает, о пришедшей женщине, хочет поскорее жену прогнать.

Поела дева-Кузнечик собачьего мяса, на сей раз ничего больше мужу не сказала, не стала ни о чем просить. Увязала в узел свои наряды и ушла прочь из дома. Юноша проводил жену до самой воды, а она ему и говорит:

— Возвращайся поскорее домой. Дойдет вода тебе до пояса, а мне будет по шею. Будет вода тебе по шею, а меня с головой скроет.

Послушался Сирота, повернул к дому. Вот подходит он к склону знакомой горы — пусто кругом, ни дома, ни хозяйства, все пропало до последнего бревнышка. И скотины никакой нет: куры, свиньи, козы, собаки — никого не осталось, только стоит посреди бурьяна злая завистница, золотом-серебром позвякивает.

Наступил вечер, пора бы и за ужин сесть, а есть-то и нечего. Не осталось от прежних закровов да амбаров ни единого зернышка. Пришлось Сироте идти на поле, жать неспелый рис, чтобы женщина могла состряпать ужин. Состряпала она ужин, подает юноше, а тот и голода не чувствует, кусок перевернул горла встал. Повесил Сирота голову, затосковал по жене.

Прибежал юноша назад к озеру, стал звать деву-Кузнечика, умолял вернуться, но никто на зов его не откликнулся. Молчит водная гладь, даже рябью не подернется, молчит темный лес, молчат холодные горы. Опечалился юноша, сел на берегу и заплакал. Услышала его безутешный плач лягушка, пожалела юношу, вылезла из своего травяного жилища.

— Отчего ты так горько плачешь? — спрашивает.

— Как же мне не плакать! Пришел я за женой своей, дочерью Водяного дракона, да не смог ее отыскать, — отвечает Сирота.

¹ В оригинале — *con chó thiến* (букв. «кастрированная собака»). Во Вьетнаме развита практика выращивания собак для употребления в пищу. Мясо кастрированных (стерилизованных) собак ценится как деликатес. При этом под влиянием буддийской традиции мясо собаки считается продуктом нечистым, поэтому его не употребляют в начале месяца, чтобы не лишиться удачи на несколько недель кряду.

Выслушала юношу лягушка, велела не печалиться:

— Помогу тебе встретиться с женой, только запомни: что бы ни случилось, не смейся.

Сказав так, опустилась лягушка к воде и стала пить. Чем больше раздувалось лягушачье брюхо, тем скорее мелело озеро, так что в конце концов показалось дно, а на дне обозначилась дорога. Пошел юноша по этой дороге, дошел до большого дома, перед домом высокие ворота стоят. Заглянул Сирота за ворота, а там сидит его жена и ткет лен. Только увидел юноша свою жену — да как обрадуется, как засмеется! Не стерпела лягушка, тоже захотала, живот у нее от натуги лопнул, и вся вода тотчас же вылилась назад в озеро. Исчез дом с воротами, исчезла дева-Кузнечик.

Сел Сирота на берегу и заплакал пуще прежнего. Снова выползла к нему лягушка, пожалела его. Залатала она себе живот и пошла сызнова пить воду, а Сирота спустился на озерное дно и дошел до большого дома. Миновал он высокие ворота, видит — жена, как и прежде, сидит за станком и ткет. Хотел юноша к ней подкрасться, да случайно наступил на нитку, которую она вплетала в полотно. Обернулась дева-Кузнечик, посмотрела на мужа с удивлением:

— И зачем ты сюда явился, муж мой? Вон там лежат мои отец и мать, неужто не боишься?

Посмотрел юноша, куда жена ему указала, содрогнулся. Свернулись кольцами на озерном дне Водяной дракон со своей женою, тела у них длинные, как у змей, рога изогнутые, глаза от гнева выпучены.

Стала дева-Кузнечик мужа выпроваживать:

— Иди поскорее назад, иначе быть беде. Не жить нам с тобою вместе, мать с отцом просватала меня на Небо. Возвращайся на землю, возьми девять бочек и наполни их доверху водою, а потом садись ждать. Как услышишь музыку и пение, так загляни в бочку, сразу меня и увидишь.

Сказав так, дева-Кузнечик снова села за станок, а Сироте волей-неволей пришлось возвращаться. Вышел он на берег с тяжелым сердцем, исполнил все так, как наказывала жена.

Минуло несколько дней. Как-то раз поутру слышит юноша — звучит веселая музыка. Бросился он к бочкам, заглянул в воду и видит: движется по Небу свадебная процессия, все гости разодеты в роскошные наряды, а самый красивый наряд на невесте — прекрасной дева-Кузнечике. Все-все ясно видно в бочках с водой, до последнего золотого украшения. Смотрел юноша без устали на свою добрую жену, как она на Небе в чужой дом вступает, все глаза проглядел. Не стерпел Сирота, заплакал горькими слезами.

**Подернулась вода в бочке рябью,
исчезло небесное видение вместе
с прекрасной девой и всей богатой
процессией.**

ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ СМИРНОВ

Кандидат филологических наук, профессор. Востоковед, филолог, исследователь и переводчик средневековой китайской поэзии. Директор Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Окончил Институт восточных языков при МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «Китайский язык и литература», аспирантуру Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР.

Сфера научных интересов — китаистика, синология, китайская поэзия, китайская литература, китайская культура, востоковедение, сравнительное изучение культур, китайское россиеведение.

Автор монографии «Китайская поэзия: в исследованиях, заметках, переводах, толкованиях» (М., 2014) и множества статей, редактор ряда монографий и сборников. Редактор серии «Orientalia et Classica» (в Издательском доме ВШЭ публикуется с 2020 г.).

ЮЛИЯ ДМИТРИЕВНА МИНИНА

Востоковед, филолог, переводчик, специалист по истории и материальной культуре Вьетнама. Преподаватель вьетнамского языка в Институте классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», руководитель студенческих проектов по поэтическому и художественному переводу. Окончила Институт восточных культур и античности РГГУ по специальности «Востоковедение и африканистика». Участник российско-вьетнамской лингвистической экспедиции 2008 г. по описанию языка народа гэлао.

Сфера научных интересов — вьетнамский традиционный костюм, малочисленные народы Вьетнама, вьетнамский фольклор, вьетнамская поэзия.

Переводчик книги Нго Ван Фу «Облака и хлопок. Избранная поэзия» (СПб., 2017), автор ряда статей, посвященных вьетнамской материальной культуре.

Перевела сказки «Как дракон воду пил», «Три лисы-оборотня», «Волшебный барабан», «Дева-Кузнечик», «Маленький Черепашка», «Как девица питона в мужья взяла», «Там и Кам» и «Куой в лунном дворце».

ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА ЛЮТИК

Кандидат исторических наук. Востоковед, переводчик, специалист по истории Вьетнама и Китая. Доцент, научный сотрудник НИИ Вьетнама при Педагогическом университете Гуанси (КНР, Гуйлинь). Окончила Восточный факультет СПбГУ по специальности «Востоковедение и африканистика». Проходила стажировку в Ханойском политехническом университете. Работала

в Гуандунском университете иностранных языков и внешней торговли (КНР, Гуанчжоу).

Сфера научных интересов — история и культура Вьетнама и Китая, вьетнамско-китайские отношения.

Автор «Русско-вьетнамского разговорника» (СПб., 2011), переводчик книги Бак Хоай Чана, Ха Минь Нгуена, Туан Дык Вьонга, Куэ Вьонга «Разговорный вьетнамский язык: курс для начинающих» (СПб., 2020).

Перевела сказки «Ту Уйен», «Талантливый младший брат», «Сказка о дровосеке», «Как дядюшка Жаб с Небом судился», «Бамбук о ста коленцах», «Как Ван на дочке императора женился», «Дочь слона» и «Два дядюшки Куоя».

АННА МИХАЙЛОВНА ХАРИТОНОВА

Востоковед, филолог, историк. Ассистент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки СПбГУ. Преподает внешнюю политику стран Юго-Восточной Азии, макро- и микроисторический анализ в изучении истории стран Азии и Африки, историю русско-китайских отношений. Окончила бакалавриат СПбГУ по специальности «Востоковедение и африканистика», программу магистратуры СПбГУ «История народов Азии и Африки», аспирантуру СПбГУ по направлению «Исторические науки и археология». Получила дополнительное образование по профилю «Китаистика».

Сфера научных интересов — история дипломатических отношений Российской империи со странами Восточной и Юго-Восточной Азии, история стран Юго-Восточной Азии в XX столетии, история русско-китайских отношений, вьетнамский фольклор.

Автор ряда статей по истории и внешней политике Восточной и Юго-Восточной Азии.

Перевела сказки «Аист, павлин и попугай», «Хитроумный заяц», «Заяц, курица и тигр», «Умная жена», «Золотая пещера, серебряная пещера», «Злая мачеха», «Жена-птица», «Как сирота дело разрешил» и «Обманщик Куой».

Серия «HSE Bibliotheca Selecta»

Научное издание

СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ ВЬЕТНАМА

Составитель *Юлия Минина*

Заведующая книжной редакцией *Елена Бережнова*
Редактор *Ольга Шестопалова*
Корректоры *Анастасия Гаврилова, Ольга Шестопалова*

Дизайн серии, вклейки и верстка: *Дмитрий Мордвинцев, Татьяна Борисова*
(ABCdesign)

В оформлении обложки использован фрагмент
лубочной картины Донгхо «Шествие с драконом»

Все новости издательства — <http://id.hse.ru>

По вопросам закупки книг обращайтесь в отдел реализации
Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15295, 15297
bookmarket@hse.ru

Подписано в печать 05.10.2021. Формат 70×100/16
Гарнитура Arno. Усл. печ. л. 24,1. Уч.-изд. л. 20,8
Тираж 1000 экз. Изд. № 2548

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в типографии SIA «PNB Print», Латвия
www.pnbprint.eu

